

СЕКЦИЯ 3

«ВЫСШЕЕ ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ДИНАМИКЕ МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА»

СОДЕРЖАНИЕ

СПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА: АКТУАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ	Беляев И.А., д-р филос. наук, доцент.....	494
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	Жайбалиева Л.Т., канд. ист. наук	498
ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА	Закирова Т.В., канд. филос. наук	501
ОБРАЗ ХУДОЖНИКА В ПОВЕСТИ Н.А. ПОЛЕВОГО «ЖИВОПИСЕЦ»	Иваненко Ю. А.....	507
РОССИЯ КАК ТРАДИЦИОННАЯ ИМПЕРИЯ	Мухамеджанова Н.М., д-р культурологии, доцент.....	510
ТЕХНИЧЕСКОЕ И ЦИФРОВОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	Писарчик Л.Ю., канд. филос. наук, доцент, Недорезов В.Г., канд. филос. наук, доцент.....	519
ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	Орлова Е.В., канд. филос. наук	527
ИЗУЧЕНИЕ ВКЛАДА В ПОБЕДУ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ПОЛКОВОДЦА М. Б. БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ	Томина Е. Ф., канд. пед. наук, доцент, Соловьев Е. А.....	535

СПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА: АКТУАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Беляев И.А., д-р филос. наук, доцент

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Оренбургский государственный университет»

В наши дни российскими авторами понятие способностей человека, чьё содержательное наполнение было сформировано в рамках психологии и отразило её особенности, широко применяется в различных сферах человекознания. Но является ли это если не универсальным с точки зрения эвристической ценности, то хотя бы сколько-нибудь широко приемлемым? Ответ здесь, скорее всего, должен быть отрицательным. Тем не менее, многие отечественные специалисты с упорством, достойным лучшего применения, позволяют себе некритическое воспроизводство психологического содержания указанного понятия там, где понятийно-терминологический аппарат психологии де-факто не работает.

Психология, как всякая частная наука, «обречена» на выстраивание образов избранных фрагментов действительности, не обладающих подлинной целостностью. Психологи полагают, что способности человека являют собой неотъемлемую составляющую предметного поля их и только их науки. Согласно представлениям, сложившимся в психологии, ни что из многообразных явлений и процессов, относящихся к сфере человеческих способностей, по своей сути не может обнаруживаться за пределами того, что якобы исчерпывающе корректно обозначается элементами понятийно-терминологического аппарата данной науки.

Представления такого рода должны, казалось бы, существовать только в рамках того интеллектуально-информационного пространства, где они возникли. Они же, тем не менее, получили распространение за пределами этого пространства. Так, в библиографическом списке к статье «Способности», опубликованной в философском энциклопедическом издании 1983 года, представлены только психологические произведения [1].

В постсоветское время изменения положения к лучшему не произошло. Более того, в публикуемых в настоящее время словарно-энциклопедических изданиях социально-гуманитарного профиля либо вовсе нет материала, раскрывающего содержание понятия способностей человека, либо в них воспроизводятся интерпретированные варианты формулировок, фиксирующих дух и букву тех представлений о феномене способностей, которые отражают научно-психологические реалии середины XX века.

Надо полагать, что во многом именно вследствие этого практически все отечественные авторы, за весьма редким исключением, вслед за Б. М. Тепловым [6 и др.] в реально используемых определениях понятия способностей акцентируют то, что: а) это индивидуальные (индивидуально-психологические)

особенности, отличающие одного человека от другого; б) это те индивидуальные особенности, которые определяют успешность осуществления какой-либо деятельности; в) они не сводятся к имеющимся у человека знаниям, умениям и навыкам.

Что же касается упомянутого исключения, то здесь допустимо вести речь об известном отечественном психологе В. Д. Шадрикове (а также, с некоторой долей условности, о представителях его научной школы). Этот автор в своём научном поиске опирается на положения психологической теории деятельности (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, Г. В. Суходольский) и теории функциональных систем (П. К. Анохин, К. В. Судаков). Присущие человеку способности он определяет как свойства функциональных систем [10 и др.]. Надо подчеркнуть, что предложив данное определение много лет назад, он успешно продолжил свои изыскания, направленные на развёртывание заложенных в нём идей [8; 9; 11 и др.].

Строго говоря, определение Шадрикова может, при необходимости, быть признано удачным вариантом эвристически ценной интерпретации устоявшихся психологических представлений в инновационном контексте. Специфика содержания обсуждаемого определения ограничивает его по-настоящему высокую эвристическую ценность рамками психологии. Дело в том, что оно только выглядит как потенциально применимое вне естественных пределов психологической науки, однако таковым не является. Будучи перенесённым в другие сферы социально-гуманитарного знания, оно либо вовсе не порождает приемлемого исследовательского эффекта, либо оказывается малоэффективным.

Далее следует подчеркнуть, что в подавляющем большинстве философских работ, реально доступных широкому кругу читателей, рассматривается, как правило, либо роль и место понятия о рассматриваемом феномене в содержании наследия выдающихся мыслителей прошлого, либо специфика его частных, узко-специальных проявлений. Может быть, одной из причин сложившегося положения стоит признать отсутствие философски корректного и при этом широко известного определения понятия способностей человека.

Экстраполяция в рамках научно-философского поиска возможна, необходима, а подчас и неизбежна. Однако обеспечение её корректного осуществления – сложный процесс, требующий неукоснительного соблюдения ряда требований [2]. Некорректная же экстраполяция психологических представлений на другие сферы интеллектуальной и предметно-практической деятельности (в частности – на философию) с необходимостью ведут к заблуждениям разного рода. Эти заблуждения плодятся и усугубляются по мере усиления внимания исследователей к способностям человека. Например, к настоящему времени сложилась традиция изолированного рассмотрения частных (согласно психологической терминологии – специальных) способностей. Апологетам данной традиции хорошо известно, что проявление человеческих способностей в типичных для определённой сферы деятельности ситуациях специфично. И это негласно признаётся ими вполне приемлемым

основанием не только для выделения способностей, существующих как бы независимо друг от друга – «музыкальных», «математических», «двигательных» («физических», «психомоторных») и т.д., но и для того, чтобы впоследствии рассматривать выделенные способности как нечто органически целостное и вполне автономное [4; 5; 7; 10 и др.].

На деле же частные способности человека обнаруживаются неангажированным исследователем тогда и только тогда, когда его мысль вольно или невольно ограничивается однозначным сосредоточением на совершении человеком определённого вида деятельности, конкретных действий и операций. При этом всякая частная способность является неотъемлемой составляющей комплекса способностей, который, в совокупности с комплексом потребностей, составляет континуум системных свойств человеческой целостности [3].

Тем не менее, ни эти положения, явившиеся результатом философского поиска, ни иные, дополняющие их или альтернативные им обобщающие положения пока не стали частью теоретической основы разнодисциплинарных социально-гуманитарных изысканий. Поэтому имеет смысл однозначно заявить о наличии насущной необходимости философского, предельно обобщающего осмысления обсуждаемого феномена, формирования понятия о нём, содержание которого сможет выступить достойной точкой отсчёта для проведения исследований с позиций различных сфер социально-гуманитарного знания.

Список литературы

1. Алексеев, Н. Г. Способности / Н. Г. Алексеев // Философский энциклопедический словарь. – Москва : Сов. Энциклопедия, 1983. – С. 649-650.
2. Андрусенко, В. А. Методология научного познания : (Альтернативность и правильность науч. экстраполяции) / В. А. Андрусенко, Д. В. Пивоваров. – Оренбург : Оренбург. гос. ун-т, 1995. – 96 с.
3. Беляев, И. А. Способности и потребности как континуум системных свойств человеческой целостности / И. А. Беляев // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2009. – № 1(95). – С. 9-13.
4. Крутецкий, В. А. Психология математических способностей школьников / В. А. Крутецкий. – Москва : Просвещение, 1968. – 431 с.
5. Озеров В. П. Психомоторные способности человека / В. П. Озеров. – Дубна : Феникс+, 2002. – 320 с.
6. Теплов, Б. М. Проблемы индивидуальных различий / Б. М. Теплов. – Москва : Изд-во АПН РСФСР, 1961. – 536 с.
7. Теплов, Б. М. Психология музыкальных способностей / Б. М. Теплов. – Москва : Изд-во АПН РСФСР, 1947. – 335 с.
8. Шадриков, В. Д. Методология и методы изучения способностей и одаренности / В. Д. Шадриков, В. А. Мазиллов, Ю. Н. Слепко. – Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2018. – 159 с.

9. Шадриков, В. Д. Определение духовных способностей и их места в структуре общих способностей / В. Д. Шадриков // Мир психологии. – 2020. – № 1 (101). – С. 151-159.
10. Шадриков, В. Д. Психология деятельности и способности человека / В. Д. Шадриков. – Москва : Издательская корпорация «Логос», 1996. – 320 с.
11. Шадриков, В. Д. Способности и одаренность человека / В. Д. Шадриков. – Москва : Институт психологии РАН, 2019. – 274 с.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Жайбалиева Л.Т., канд. ист. наук

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Оренбургский государственный университет»

Одной из заметных тенденций современной исторической науки является обращение внимания исследователей к истории повседневной жизни общества. Речь идет не только об описании повседневности, но и раскрытии ее структуры и смыслов, проведении анализа обыденности как составляющей исторического прошлого. Обращение к воссозданию повседневной жизни не является модой или проявлением «популяризации» истории. Проблематика возникла из-за неполноты и недостаточности изучения событийной истории.

Повседневная сфера, что непосредственно окружает жизнь человека, определяет ее культурную заданность и наполненность, практически отсутствовала как предмет самостоятельного изучения в истории научной мысли вплоть до XX века, и только последние десятилетия рассматривается как тема научного исследования, нуждаясь в историком осмыслении [1, 3, 4, 5, 6].

В повседневности обычно не происходило ничего исключительного и особенного. Повседневность понимали как сферу рутинных, привычных, однообразно повторяющихся изо дня в день действий и поступков, понятных и доступных, часто выполняемых автоматически. Эта сторона жизни общества протекала вне общественных и государственных институтов, она была непубличной, следовательно, и не осмысливалась как ценностная, ею можно было пренебречь как малой величиной, что существенно не сказывается на деятельности социальных институтов и механизмах их общественного взаимодействия.

Помимо пренебрежения повседневность обвиняли в нивелировании личности. Исследователи относили повседневную сферу за ее понятность, незаметность, даже банальность и посредственность к так называемой закрытой сфере, противопоставляя высокой культуре [1, с. 87].

Повседневность является ответом на определенное состояние социальной истории, как стремление переосмыслить некоторые ее концепции, задачи и методы. Это был протест против глобальных теорий, против рассмотрения истории только как развитие экономических и социальных процессов. «Другими словами, когда мы хотим просмотреть ту или иную концепцию, – пишет российский исследователь Н. Кром, – или даже реформировать целое направление исторических исследований (военную, политическую, экономическую историю и др.), мы можем прибегнуть к повседневности» [2, с. 48].

Непосредственным стимулом повышенного интереса к истории повседневности стало разрушение веры в общественный прогресс, что

определило внимание исследователей к обычной жизни «маленького человека», причем не только успешной, но и «обиженной и обездоленной».

Отсутствует единая концепция повседневности, границы предмета исследования остаются размытыми. Она не имеет специальных, только ей присущих, общественно-политических, социально-экономических, культурно-философских институтов, которые могли быть выделены при ее исследовании. Скорее она возникает как содержание событийной истории, представляет собой пересечение различных видов деятельности и практик отдельного человека и общества в целом.

История повседневности акцентирует свое внимание не на институционально-событийной истории, а на локальной истории, ее объектом выступают подробности или так называемые мелочи жизни. Ее прерогативой является фактография и конкретика.

Тот пласт реальности, которая отражается понятием «повседневность», вполне относится к «микроистории», поскольку речь идет о мельчайших проявлениях жизни людей. Такое зачисление истории повседневности до «микроуровня» истории является логичным и правомерным, поскольку действительно ее объектами традиционно являются не глобальные исторические процессы и явления, а «малые» их проявления. При изучении повседневности историки обращаются, прежде всего, к описанию, а не обобщению.

Вместе с тем, хотя повседневность – это преимущественно сфера «микроуровня» истории, она им не ограничена, поэтому предметное изучение повседневной жизни общества – это лишь один из возможных «ракурсов» его анализа, важный и необходимый для получения целостного представления о прошлом, но не единственный и не определяющий.

Изучение повседневной действительности позволяет преодолеть противоречия институционализированной и макрособытийной истории. Выделение сферы повседневности позволяет историкам объединить в один предмет исследования такие разрозненные стороны жизнедеятельности как быт, отдых, труд, досуг и др. Хотя историк повседневности тяготеет к воссозданию прошлого во всей его полноте и конкретике, это не значит, что ради исторической правдивости исследователь должен делить прошлое на мелкие и точные детали и фрагменты. Конкретика, подробности – не цель, а средство познания целого через говорящую мелочь, штрих [2, с. 108].

Повседневная история современными исследователями прочитывается в двух плоскостях, которые условно можно назвать «уровнем жизни» – способ обеспечения сферы повседневных потребностей: где жить, на чем передвигаться, как заботиться о здоровье, и «стилем жизни» – смысловое наполнение, система жизненных ориентиров: как и ради чего жить – ценности, мораль, привычки, приоритеты, вкусы.

Повседневность не только многолика. Она является той сферой жизни общества, которая аккумулирует в единое целое разные сферы общественной жизни. Любой элемент общественной системы находит в ней свое определенное отражение [7, с. 98].

Под воздействием исключительно сложных социально-исторических процессов складываются специфические формы исторического и социального поведения, представления о правильных и неправильных, разрешенных и запрещенных, высоких и недостойных поступках. Возникают такие регуляторы поведения, как стыд, страх, честь. К сознанию человека приобщаются такие сложные семейные, религиозные, общекультурные, этические нормы, на фоне которых формируются нормы и правила поведения.

Совершенно очевидно, что хотя обыденность и противостоит официальной истории и политике, она не является внеисторической. Каждый человек ежедневно социализируется, опираясь на свои знания, опыт, цели, талант. В повседневной жизни происходит апробация и адаптация политических идей и программ, планов и проектов, замыслов и мечтаний. Учитывая это, повседневность – действительно «смысловая система», которая помогает понять человека, его роль в истории. На фоне повседневности происходят политические события, разворачиваются личные судьбы людей, реализовываются общественные проекты.

Повседневность выступает неотъемлемой частицей нашего чувственного и рационального опыта, накапливает и использует актуальные для нас знания. Она присутствует здесь и сейчас, хотя мы ее не замечаем, и обеспечивает культурно-историческое развитие человека в пространстве и времени. Благодаря своей стабильности и консервативности, повседневность приобретает значение самостоятельной и самодостаточной сферы человеческого общества. В связи с этим обращение к истории повседневности вполне оправдано и необходимо на современном этапе развития исторической науки.

Список литературы

1. Золотухина-Аболина Е. В. Повседневность: философские загадки / Е. В. Золотухина-Аболина. – М.: Ника, 2005. – 289 с.
2. Кром М. М. Историческая антропология / М. М. Кром. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та Квадрига, 2010. – 208 с.
3. Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре / В. Д. Лелеко. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та культуры и искусства, 2002. – 320 с.
4. Марков Б. В. Культура повседневности / Б. В. Марков. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.
5. Махлина С. Т. Семиотика культуры повседневности / С. Т. Махлина. – СПб.: Алетейя, 2009. – 232 с.
6. Преображенский А. А. «Веков связующая нить» Преемственность военно-патриотических традиций русского народа / А. А. Преображенский. – М.: Русское слово, 2002. – 176 с.
7. Пушкарева Н. Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий / Н. Л. Пушкарева // Социальная история: ежегодник, 2004. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 93-113.

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Закирова Т.В., канд. филос. наук

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Оренбургский государственный университет»

Понятие «цифровизация» связано с глубокими изменениями в социальной жизни современного человека, который в ближайшем будущем окажется в полностью цифровом мире, где цифровые данные будут оказывать глубокое влияние на каждый аспект его жизни: как люди будут общаться и взаимодействовать друг с другом; как они будут работать, учиться, будьте здоровы и участвуйте в политике и экономике. Внедрение цифровых технологий обещает, с одной стороны, огромные преимущества для улучшения здоровья, более эффективной социальной мобильности, более эффективного использования энергии, расширения бизнеса и процветания компаний и т.д. Но также очевидно, что такая фундаментальная социальная трансформация будет иметь определенные сложности индивидуального, внутриспсихического характера, то есть что неожиданные вызовы и проблемы, которых раньше не было, уже возникли и могут возникнуть в дальнейшем. В данной статье рассматривается понятие «цифровизация», а также особенности философского осмысления цифровизации современного мира.

Технологии всегда были носителями глубоких изменений в науке, обществе и любом другом аспекте жизни. Последняя технологическая революция — цифровая революция — не является исключением в этом отношении. Наш мир переживает огромную цифровую трансформацию. Почти ни одна область нашей социальной, информационной, политической, экономической, культурной и биологической сфер не осталась неизменной.

Технологии могут помочь сделать наш мир более справедливым, мирным и справедливым. Достижения в области цифровых технологий могут поддержать и ускорить достижение каждой из 17 целей в области устойчивого развития – от искоренения крайней нищеты до снижения материнской и младенческой смертности, содействия устойчивому ведению сельского хозяйства и достойной работе и достижения всеобщей грамотности. Но технологии могут также угрожать неприкосновенности частной жизни, подрывать безопасность и подпитывать неравенство. Они имеют последствия для прав человека и деятельности человека. Как и предыдущие поколения правительства, предприятия и частные лица – должны сделать выбор в том, как мы используем новые технологии и управляем ими.

Цифровые технологии развивались быстрее, чем любые инновации в нашей истории, всего за два десятилетия охватив около 50 процентов населения развивающегося мира и преобразовав общества. Расширяя возможности подключения, расширения доступа к финансовым услугам, доступа к торговле и

общественным услугам, технология может стать отличным средством выравнивания [3].

Основная проблема человеческой автономии и контроля возникла в начале цифровой эры: парадокс заключается в том, что, расширяя наши полномочия с помощью информационных систем управления, мы одновременно открываем дверь для будучи контролируемым и ограниченным теми самыми системами, которые мы создаем. Многие видели как этот конфликт, так и потребность в антропологах и философах, которые помогли бы нам понять нашу человечность и определить ценность и использование кибернетики. Ожидаемые опасения связаны с очевидной способностью систем контроля контролировать человеческие жизни, но также и с искушением людей контролировать других людей с помощью этих систем. Построение возможностей цифрового взаимодействия создает возможности для подключения, одновременно открывая двери для беспрецедентных механизмов манипулирования, и остается открытым вопрос – кто и как мы собираемся управлять новыми цифровыми мирами, созданными нами самими?

Цифровизация предлагает огромную свободу и пространство для творчества и расширения прав и возможностей человека, в то время как обратной стороной этой свободы является усиление контроля. В нашем нынешнем мире основные средства управления и обширные и асимметричные системы наблюдения находятся в руках нескольких человек, и для большинства из нас первоначальное обещание киберпространства как пространства большей автономии может стать его противоположностью. Таким образом, мы сталкиваемся с той же проблемой автономии, которую Руссо обрисовал в общих чертах в связи с созданием политической ассоциации, которая не изолировала политическую власть в руках элиты автократов. Руссо видел, что политическое порабощение, неравенство и другие болезни культуры были искусственно созданными людьми проблемами, которые могли быть решены только человеческими силами. Аналогичным образом опасности, исходящие от новых цифровых миров, являются нашим собственным творением, и, таким образом, диалектика свободы и контроля в цифровой сфере допускает человеческие решения.

Ученые особо обеспокоены растущим вытеснением человеческого суждения и этики технологическим инструментализмом. Они подчеркивают, что безответственная реализация компьютерных решений может привести к своего рода логическому и фактическому фетишизму, который пытается скрыть свои собственные неоспоримые ценности, догматизмы и опасности. Они советуют нам найти в себе мужество бросить вызов упрощенному мировоззрению, присущему предоставлению имперских прав науке [4].

В последние годы мы стали свидетелями огромной междисциплинарной волны писателей, художников и ученых, берущихся за вопросы философии и технологии. В то время как в аналитической философии существовал постоянный интерес к «искусственному интеллекту» и вопросам о том, могут ли компьютеры мыслить и т.д. Большая часть важных размышлений о технологиях,

поскольку они относятся к более широкому социальному и экономическому обществу, до недавнего времени происходила за пределами англо-американской философии.

Технология, или, скорее, ее эволюция, часто использовалась для того, чтобы провести в истории черту между «до» и «после». Например, предлагалось классифицировать цивилизации с использованием конкретных технологических объектов (например, мы говорим о каменном веке, а теперь о цифровой эпохе). Классификация носит не только временной, но и культурный характер. Эта тенденция связывать целые тысячелетия с конкретным артефактом исходит из археологии и антропологии, поскольку мы пытаемся понять людей и общество через артефакты, используемые в определенные эпохи.

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) действительно знаменуют собой радикальные изменения в этих трех смыслах. Однако, возможно, наиболее значимое изменение, вызванное ИКТ, касается способа передачи и обработки информации.

С появлением письменности мы вступили в историю, или информационную эпоху. Сегодня, с появлением цифровых технологий, мы вошли в гиперисторию. Однако разница между историей и гиперисторией заключается не только в количестве и скорости передаваемой информации, но особенно в том, как она передается и обрабатывается. Таким образом, справедливо говорить о «скорости эволюции знаний» и о «коллективном разуме», формируемом социальным существованием субъектов, которые участвуют в нем, и который обладает способностью постоянно видоизменяться. Эти идеи должны быть дополнены идеями соединительного интеллекта, который основан не на том, что мы узнали, а на том, как мы можем связать вещи друг с другом [1].

Благодаря этим связям цифровые технологии делают то, чего раньше не удавалось сделать ни одной технологии: они преобразуют окружающую среду и создают новые онтологические пространства. В этих средах технологии могут взаимодействовать друг с другом, а иногда и без нашего посредничества. Социальные сети, большие данные или технологии электронного здравоохранения - все это примеры ИКТ, которые, как считается, порождают новые этические проблемы или дилеммы. В этом комментарии я объясняю, почему этические проблемы, возникающие в связи с ИКТ, для надлежащего решения нуждаются в иной концептуальной основе, в частности в информационном подходе. Проще говоря, прежде чем поднимать новые этические проблемы, ИКТ вызывают глубокие изменения на онтологическом и эпистемологическом уровне.

Цифровые технологии часто вызывают противоположную реакцию. Некоторые видели в них беспрецедентные улучшения, в то время как другие предсказывали катастрофические сценарии. Как утопические, так и антиутопические видения считают само собой разумеющимся, что внедрение ИКТ в нашу жизнь и в общество ставит нас на заранее определенный путь, с которого мы не можем свернуть. Таким образом, цифровые технологии

становятся нормативными, в положительном или отрицательном смысле. Это нормативное измерение технологии, а тем более ИКТ, делает связь между цифровыми технологиями и этикой очевидной: технология тесно связана со сферой действия и принятия решений [2].

Хотя новые технологии привели к цезурам и, в частности, к кризису «метанарратива», цифровые технологии также несут в себе возможности. Компьютеризация общества может быть способом осуществления контроля и регулирования рыночной системы. Тем не менее, мы не просто обречены страдать от последствий цифровизации, но и активно можем использовать их для улучшения нашего положения. И аналогично, цифровизация может быть способом стимулирования и облегчения коллективного обсуждения определенных норм. Возможности или возможности, связанные с тем, какие артефакты (включая ИКТ) позволяют нам делать, также изучаются в экологической психологии, а затем дополнительно разрабатываются в исследованиях дизайна и медиа-исследованиях. Вместо того, чтобы быть пассивными жертвами (цифровых) технологий, мы создаем технологии и материальные, концептуальные или этические условия, возможности или возможности для их производства или использования; это делает нас также ответственными за пространство возможностей, которое мы создаем.

Стратегия, позволяющая избежать технологического детерминизма, заключается в переосмыслении отношений между наукой и технологией или между знаниями и их приложениями. Широко распространено мнение, что технология, и в нашем случае цифровая технология, поднимает этические вопросы из-за своего прикладного характера. С помощью науки мы изучаем физику высоких энергий, но именно с помощью технологии мы создаем атомную бомбу. Следовательно, согласно этой линии рассуждений, наука не является хорошей или плохой, правильной или неправильной; вместо этого эти суждения направлены на технологию, которая, как полагают, является приложением науки. Однако важно отметить, что разделение между технологией и наукой не столь четкое.

Ученые также реконструируют противоречия между утопическими и антиутопическими взглядами в философии технологий. Они утверждают, что, хотя «технологическое посредничество» является важным шагом для выхода за пределы технологического детерминизма, «этика как искусство жизни» предлагает нам лучшие инструменты для решения вопроса этики в технологии

В течение первой половины двадцатого века неопозитивистские ученые и философы вновь ввели идею разделения между технологией (подлежащей моральной оценке) и наукой (не подлежащей моральной оценке) — их дискурс о науке и научном методе был в значительной степени аморальным (тем не менее, многие из них были политически и социально вовлеченный). Чисто теоретический анализ научного метода приводит к идее, что наука не хороша и не плоха, а ее приложения. Это объясняет, почему приложения науки или технологии в основном обсуждались в связи с социально-политическим контекстом или личностно-экзистенциальной сферой, в то время как

эпистемологические и метафизические дискуссии о науке в значительной степени развивались независимо от этического дискурса. Вместо этого я утверждаю, что этический дискурс о цифровых технологиях должен восстановить единство, явную связь с фундаментальными проблемами, связанными со знанием и метафизикой. Чтобы сделать это, мы должны выйти за рамки классических подходов и найти концептуальную основу, которая позволит нам объединить науку и технологии, с одной стороны, и этику, эпистемологию и метафизику - с другой.

Как уже упоминалось с появлением цифровых технологий мы вошли в гиперисторию. Не только потому, что теперь мы можем обмениваться и обрабатывать большие объемы информации с беспрецедентной скоростью, но и потому, что мы являемся свидетелями трансформации, которая является одновременно эпистемологической и онтологической. Цифровые технологии не просто трансформируют политическую или экзистенциальную сферы или создают конкретные этические проблемы. Эти преобразования являются следствием более радикальных изменений: цифровые технологии способны изменять окружающую среду или, они заново онтологизируют реальное.

Стоит сразу уточнить, что философия информации не поддерживает и не предполагает технологического детерминизма. Речь идет не об утопии или антиутопии, не о воображении технологического рая или ада, а о том, чтобы понять, что изменилось. Большое внимание уделяется новым этическим проблемам, таким как конфиденциальность или кибербезопасность, но эти проблемы возникают именно потому, что цифровые технологии привели к изменениям, которые в первую очередь являются онтологическими и эпистемологическими, с последствиями на этическом уровне. Поэтому, прежде чем обсуждать этику информации, мы должны сделать шаг назад. Что влечет за собой цифровая революция?

Информация - это основное понятие для понимания окружающего мира, нас самих и взаимоотношений между миром и нами. Информация может быть ресурсом, когда мы используем ее, например, для принятия решений, или она может быть; продуктом, когда мы используем ее для получения другой информации, а затем для изменения окружающей среды, т.е. Информация воспринимается как цель [1].

Цифровые технологии фундаментальным образом меняют реальность. После столетий научных исследований и философских размышлений мы можем обоснованно утверждать, что овладели миром офлайн. Но онлайн-мир - это не просто измерение, «добавленное» к развитию цифровых технологий, которое следует изучать так же, как и офлайн-мир. Онлайн-измерение фактически привело к путанице и слиянию онлайн и офлайн. Мы - onlife, если позаимствовать неологизм философов информации. Такие проблемы, как конфиденциальность личных данных в Интернете или право быть забытым, явно порождаются цифровыми технологиями. Но их «жизненный» характер требует, чтобы — прежде чем может быть вынесен какой—либо этический вердикт - была понята природа проблемы. Понимание природы проблемы подразумевает

онтологические и эпистемологические размышления, которые в совокупности могут повлиять на этику.

Важный урок философии информации заключается в том, что между людьми и машинами нет существенной разницы. Это имеет последствия для ряда дебатов. С одной стороны, мы должны переосмыслить наши категории, чтобы понять природу информационных организмов. То, что отличает нас, людей, от животных или компьютеров, - это не наша способность обрабатывать информацию, а ответственность, которую мы несем по отношению к другим в течение всего информационного цикла. С другой стороны, и на более общем эпистемологическом уровне, влияние ИКТ является глубоким и всеобъемлющим. Создание знаний не является исключительной прерогативой людей: знания становятся локализованными, воплощенными, распределенными и взаимосвязанными — и это среди людей, машин, учреждений или сред. Признание этих характеристик знаний помогает исправить (философию) технологии и (философию) науки, чтобы этические вопросы могли стать их неотъемлемой частью.

Только когда мы осознаем, насколько цифровой мир отличается от старого мира, мы можем набросать новый дискурс об этике. В частности, информационный подход обеспечивает всеобъемлющую методологическую основу, в которой мы можем манипулировать тремя фундаментальными элементами философского мышления: что такое мир, как мы можем получить знания о мире и нормативное измерение на этико-политическом уровне. Эти три существенно взаимосвязаны и взаимосвязаны. Однако из-за гиперспециализации наук и философии они превратились в отдельные субдисциплины, которые, по большому счету, говорят друг с другом, а не друг с другом. Цифровые технологии с их этическими проблемами дают нам возможность объединить этику, онтологию и эпистемологию в едином подходе. На сегодняшний день философия информации - это подход, который в большей степени, чем другие, способен понять это новое измерение жизни и вывести нас из тупика технологического детерминизма.

Список литературы

1. Гурьянова А.В. О предназначении философии и гуманитарного знания в эпоху цифровизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2020. - №3. – С.136.
2. Касавина Н.А. Цифровизация как предмет междисциплинарных исследований // Эпистемология и философия науки 2019. - Т. 56. - № 4. - С. 259.
3. Тимофеев А.В. Становление цифровой аксиологии: ключевые понятия и проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2019. - №2. – С.89.
4. Тимченко А.В. Цифровизация в понимании философии, права, политологии и экономики: междисциплинарный подход // Московский государственный университет им. Ломоносова. – 2022. - №5. – С.114.

ОБРАЗ ХУДОЖНИКА В ПОВЕСТИ Н.А. ПОЛЕВОГО «ЖИВОПИСЕЦ»

Иваненко Ю. А.

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Оренбургский государственный университет»

В 1833 году Н.А. Полевой пишет свое уникальное произведение «Живописец». Герой повести, Аркадий, с самого детства занимался рисованием, однако для юноши благородного происхождения, графского сына, ремесло художника считалось недостойной работой. Аркадий писал иконы втайне от отца, пока его не увозит с собой в Петербург его «благодетель» Григорий Григорьевич, сумевший разглядеть в молодом человеке талант великого живописца.

«Переезд в Петербург даёт возможность конкретизировать неперемнную составную часть романтического конфликта – окружение центрального персонажа. Это столичное общество, свет, светская чернь» [3]. В Петербурге Аркадий писал портреты людей из светского общества. На момент, когда его застал г-н Мамаев, молодой человек писал портрет генеральши, пририсовывая ей ослиные уши. Этот фрагмент показывает отношение художника к окружающим. Будучи романтической личностью, Аркадий противопоставлен обществу, оно вызывает у графского сына отвращение. Позже ослиные уши на портрете исчезают, художник дорисовывает на их месте банты. Аркадий скрывает свое презрение, чтобы продолжать зарабатывать на жизнь любимым ремеслом, ведь он не мыслит жизни без искусства. Более того, он вежлив и улыбочив с дамой, а в завершении просит её порекомендовать его дядюшке. «Насмешник и льстец, обыкновенный ничтожный художник!» [4], – думает о нем г-н Мамаев. Выясняется, что Аркадий сломлен. Общество, окружавшее его, не понимает его картин, а его любимая Веринька в числе этих людей. «Здесь начинаются мытарства живописца: обладающий большим даром, он вынужден писать заказные портреты богачей, услаждая их прихоти. Свой творческий идеал он воплощает в картине «Прометей» и некоторых полотнах на тему Христа. В них он «вложил свою душу». Однако зрители-дилетанты нашли, что в картине «тело слишком темно», а «небо слишком мрачно» [2, 31]. Аркадий проявляет нелюбовь к своим современникам: «Большой свет ненавистен герою своей антипоэтичностью и вытекающей отсюда враждебностью к искусству и к художнику: «Что такое были для них искусства и художества? Забава от нечего делать, средство рассеяния, что-то вроде косморамы, на которую смотрят они сквозь шлифованное стекло, требуя от неё условной перспективы» [3].

Пиком творчества художника становится картина «Прометей», однако она не нашла отклика в сердцах общества. Прискорбное отсутствие вкуса не дает окружающим людям насладиться творением Аркадия, что обижает молодого художника.

Аркадий влюбляется в Вериньку, молодую девушку из светского общества. Он видит в ней свой идеал женщины, непонимание Веринькой его творчества вызывает у Аркадия чувство неудовлетворенности собой. Несмотря на это, художник продолжает любить Вериньку, он закрывает глаза на то, что она не может по достоинству оценить его творения, Аркадий уже не мыслит своей жизни без неё. Молодой человек готов смириться с непониманием, простить возлюбленной безвкусное видение мира, которое Аркадий, будучи творческой личностью, не разделяет. Его чувства к Вериньке не остывают, несмотря на все разногласия. Художник зависит от этой женщины, он понимает, что пропадет без неё. Вериньку ужасает сила любви Аркадия, она характеризует её как «сумасшествие», «безумие».

Отношения героев неизбежно рушатся, ведь Веринька выходит замуж за другого человека, отец выбрал для неё жениха, богатого и любящего. Вопреки своим чувствам, Веринька повинуется воле отца и выходит замуж. Она жертвует возможностью быть счастливой рядом с любимым человеком. Веринька делает это ни столько из любви к отцу, сколько из страха быть осужденной обществом. Её пугает мысль о том, что недостойные поступки могут оторвать её от привычного окружения навсегда, девушка страшится неприличия и позора. Она не приспособится к жизни, которую может предложить Аркадий: художник небогат, а что ещё страшнее – талантлив, ему нельзя бросать писать картины, ведь это дело всей его жизни. Девушка не готова сделать шаг в неизвестность, доверившись чувствам. Веринька избирает лёгкий путь, выходя замуж за богача, отказываясь пожертвовать всем ради любви. Чувство любви оказывается для неё не таким губительным, как для Аркадия. Она может прожить жизнь и без него, сделавшись хорошей женой, матерью и хозяйкой, забыв свою некогда сильную страсть.

Аркадий же не смог спокойно пережить расставание. Он, как и любой романтический герой, уезжает в Италию искать себя. Но и в чужой стране Аркадий не находит места: в Риме его талант смогли оценить, он стал известен в рядах художников и при этом всё равно остался несчастным. «Тот здоров, кто счастлив», – пишет Аркадий в письме Мамаеву. Солнечная Италия не смогла согреть и исцелить душу Аркадия, вернуть его к жизни, без Вериньки жизнь для Аркадия потеряла всякий смысл. Вскоре Аркадий заболевает. Никто не знает, что за болезнь одолевает художника, в то время как для читателя ответ очевиден, Аркадия одолевает несчастная любовь, художник не смог забыть свою возлюбленную. Находясь при смерти, Аркадий думал о Вериньке, о том, как она счастлива без него.

Судьба романтического героя всегда полна трагических событий, А.Б. Ботникова пишет: «Полевой впервые в русской прозе ставит вопрос о взаимоотношениях художника и общества» [1, с. 73]. Художник в таких произведениях чаще всего умирает, потому что жизнь в мире, полном боли и страданий, оказывается для творческой, чувствительной личности невыносимой. Аркадий оказывается слишком уязвимым, его рана не затягивается.

Романтический герой беззащитен перед лицом жизни, у него нет внутренней силы для противостояния жестокому миру.

Аркадия погубило общество. Он начал писать картины, лишённые чувств, что противоположно его «Прометею». Назвать Аркадия истинным художником становится все сложнее. Вскоре он понимает, что больше не может так жить, мало-помалу пытаясь собрать себя из того, что в нём осталось. Постепенно талант Аркадия возрождается, художник снова пишет произведения искусства, но душевная рана не заживает, его личность изменилась под гнетом обстоятельств. Невзаимная любовь к Вериньке сломала художника. Аркадий не смог вернуться к нормальной жизни после пережитого, романтическая личность неизбежно погибает.

Список литературы

1. Ботникова А. Б. Э. Т. А. Гофман и русская литература (первая половина XIX века). – См.: Молва. 1977. – 73 с.
2. История русской литературы XIX века. Часть 2: 1840-1860 годы (Под. ред. В.И. Коровина) – М.: 2005; Ч.2 – 528 с.
3. Манн Ю.В. Динамика русского романтизма. – М.: Аспект Пресс, 1995. с. 239-241.
4. Полевой Николай. Живописец – Л.: Художественная литература, 1986. – 80с.

РОССИЯ КАК ТРАДИЦИОННАЯ ИМПЕРИЯ

**Мухамеджанова Н.М., д-р культурологии, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

Понятие «империя» в современной гуманитарной науке имеет множество трактовок и интерпретаций, начиная с попыток выявить реальный онтологический статус понятия и заканчивая апологетикой имперского устройства общества как единственно возможной формы политической организации культурно разнородного общества. Одним из способов определения содержания данного понятия является выявление соотношения понятий «империя» и «цивилизация», которые часто используются как равнозначные по отношению к современной России. Так, с позиций Б. С. Ерасова, «в условиях недостаточности собственно цивилизационных основ устройства общества бюрократическая империя стала заменой и носителем нормативного и бюрократического порядка, объединявшего конгломерат социальных, конфессиональных и культурных образований, столь несхожих в своих типах устройства, ориентаций и менталитете» [2, с. 456]. Исходя из данного высказывания, можно сделать вывод о том, что основным дифференцирующим признаком таких социокультурных образований, как империя и цивилизация, является соотношение государственных и собственно цивилизационных, т. е. культурных, механизмов интеграции предельно разнообразного социокультурного пространства. Следовательно, системным признаком империи является не столько ее этническая и конфессиональная гетерогенность [13, с. 201] – характеристика, присущая также большинству цивилизаций, сколько характер интеграции такого предельно разнородного общества в единый социокультурный организм.

Империя на стадии своего становления характеризуется доминированием сильного бюрократического государства как главного интегратора поликультурного общества. Этот этап следует назвать экстенсивным, «героическим» [14, с. 122] этапом развития империи, когда происходит расширение ее территории, завоевание новых народов, интеграция их в единое социально-политическое пространство империи. Достигнув естественных рубежей своей территориальной экспансии, империя обращается на путь унификации, стандартизации, становления единой правовой, экономической, культурной и пр. системы, что означает начало интенсивного этапа в ее развитии. Именно на этом этапе складываются цивилизационные основы регуляции общества, которые могут сохранять достаточно долго, даже в случае распада империи. Поэтому империю можно определить как историческую основу формирования цивилизации, однако данное положение может быть отнесено лишь к определенному типу империи, о чем будет сказано ниже.

Началом героического этапа становления Российской империи, этапа ее интенсивного развития, расширения и экспансии – еще до объявления ее официального международного статуса, стало присоединение к Русскому государству в XVI столетии Казанского и Астраханского ханств, земель башкир и татар-мишар, за которым последовало присоединение Западной и Восточной Сибири, земель Донского и Яицкого казачьих войск и т. д. Сама же имперско-теократическая модель государственного устройства была заимствована из Византии, которая была воспринята как идея восприимства империи от Первого и Второго Рима. Утверждению этой модели способствовала рискованная геополитическая и природная среда, в которой существовала Россия и о которой писал А. Тойнби в одной из своих работ: «В этой долгой и беспощадной борьбе за сохранение своей независимости русские стали искать спасения в тех политических институтах, которые уже принесли гибель средневековой Византии. ... Этому величественному русскому политическому зданию дважды обновляли фасад – сначала Петр Великий, затем Ленин, – но суть оставалась прежней, и Советский Союз сегодня, как и Великое княжество Московское в XIV веке, воспроизводит характерные черты средневековой Восточной Римской империи» [10, с. 113-114].

В классификации И. Г. Яковенко [14], разделяющего все империи на колониальные и традиционные (теократические), Российскую империю, безусловно, следует отнести к традиционным, теократическим империям. Если вынести за скобки полиэтничность и поликонфессиональность населения, которые присущи обоим названным типам империй, характерными чертами традиционной российской империи стали следующие черты, характеризующие ее на разных этапах исторического развития.

Прежде всего, это опора на некую Идею, которой придается сакральный общечеловеческий смысл. Традиционная империя стремится воплотить в жизнь некую метафизическую задачу, рассматриваемую как реализация на Земле Божественного проекта. Поэтому цели традиционной империи носят сакральный, мифологический характер. Они принципиально невыполнимы и не оцениваются с точки зрения эффективности, т. е. с точки зрения затрат и полученных результатов. Если функцию политической интеграции полиэтничной империи берет на себя бюрократическое государство, то функцию духовной интеграции предельно гетерогенного общества выполняет Идея, существовавшая в российской истории в двух основных вариантах: религиозном, православном и светском, марксистском.

Поскольку Идея носит вселенский характер, ее распространение не ограничено какими-либо границами: территориальными, политическими, идеологическими: «любые границы временны, преодолимы в перспективе и передвигаются при каждом удобном случае» [14, с. 119] как безгранична сама Идея, ее породившая и питающая. Препятствием территориальной экспансии Российской империи стали только рубежи естественного происхождения, в то время как коммунистическая идея мыслилась как будущая судьба всего мира,

реализация Великого проекта в мировом масштабе через мировую революцию, преодолевающую любые границы.

Ориентация на сакральные цели истории определяет и отношение к человеку в обществе. Традиционная империя предельно иерархична: теократия как власть Бога реализуется через опосредующую инстанцию – идеологическую и политическую элиту общества, а рядовой человек рассматривается как средство достижения целей империи. В конечном счете, все общество подчинено целям и интересам империи. Казалось бы, сама христианская идея, основанная на признании богоподобия человек и являющаяся духовным основанием империи, должна была способствовать формированию иного, уважительного отношения к личности. Однако, как отмечает большинство исследователей, усвоение в российской культуре православной идеи, отражением которой является империя, носило поверхностный, внешний, формальный характер и не способствовало формированию того «аристократического пафоса личности», который был характерен для западных обществ. В силу этого главным противоречием Российской традиционной империи, препятствующим ее развитию, было противоречие между потребностью общества в активной, творческой, самостоятельной личности и желанием видеть личность абсолютно покорной воле бюрократического государства [4, с. 26, 32-33].

Однако важнейшим фактором существования и самосохранения империи были отношения империобразующего этноса, в данном случае русского, с «инородцами», составляющими огромную, чрезвычайно дробную и хаотичную периферию Российской империи. В этом отношении традиционная Российская империя принципиально отличается от колониальных империй по всем своим базовым основаниям. Если целью вторых по отношению к колониям является их эксплуатация, выкачивание ресурсов, следствием чего колонии превращаются в сырьевой придаток метрополии, то в Российской империи эксплуатация имперского этноса была более жесткой, нежели народов присоединенных колоний. Так, русский народ, в отличие от других народов России, не пользовался никакими привилегиями или преимуществами. В то время как нерусские народы империи имели от власти значительные преференции в виде освобождения от воинской повинности, льготной податной системы, сохранения традиционных институтов управления, предоставления достаточно большой автономии отдельным территориям (Финляндия, Польша) и т. п. Это, в частности, нередко становилось причиной того, что представители инородческих сообществ не желали становиться русскими, чтобы не потерять своего привилегированного положения [13, с. 204]. Кроме того, империя способствовала защите этносов от внутрикланового соперничества и борьбы, от посягательства на их территорию и природные ресурсы со стороны соседних народов и государств. За весь период существования Российской империи ни один из присоединенных народов не вымер, не исчез с лица земли.

Включение в состав Российской империи способствовало ускоренному развитию присоединенных народов, которое вряд ли было возможно в условиях их независимого развития или же заняло бы значительно более длительный

исторический период. Однако в условиях «дефицита времени» это обстоятельство могло стать губительным для многих народов, не имеющих возможностей сопротивляться внешней угрозе. Так, исторические источники свидетельствуют: «Под русским владычеством туркмены перестали заниматься разбоем и кражей рабов и в большей или меньшей степени перешли к оседлому быту, занявшись земледелием и хлопководством. Другие расы прогрессировали еще больше. Русские железные дороги дали возможность сбывать скот, молочные продукты и миллионы каракулевых барашков из Бухары. Но самым важным нововведением было, конечно, развитие хлопководства» [цит. по: 11, с. 261]. Результатом имперской политики на национальных окраинах России стало возникновение промышленности, городов, средств коммуникации и т. д. в Средней Азии, Казахстане, Сибири, на Дальнем Востоке и Северном Кавказе. Так, например, Средняя Азия практически на всех этапах ее вхождения в состав Российской империи была дотационным регионом, когда сумма вложенных империей в ее освоение средств значительно превышала сумму налогов и сборов в государственную казну [14, с. 127]. И в то же время русский народ по многим показателям своего развития: экономическому развитию, уровню благосостояния, степени урбанизированности, продолжительности жизни, по уровню грамотности и др., уступал многим народам колоний, не только прибалтийским, но и тюркским, кавказским [6, т. 1, с. 62-63]. Кроме того, именно на него ложились все тяготы освоения новых, необжитых территорий, защиты государственных границ, преодоления негативных последствий крестьянской эмансипации и т. д.

Немаловажным для стабильного существования империи было и то, что русскому народу были совершенно чужды идеи расизма, национального превосходства или исключительности своего народа. Инородческие сообщества воспринимались им как российские граждане, обладающие юридическим и фактическим равноправием с русским народом [11, с. 261]. Национальная политика Российской империи была основана на понимании того, что многонациональная империя будет тем прочнее, чем лучше будут в ней себя чувствовать многочисленные ее народы, а жесткая интеграционная политика по отношению к вновь присоединенным народам, принесет больше вреда, чем пользы, вызовет ненависть народов и протестные движения, дестабилизирующие ситуацию во всей империи. Именно поэтому вплоть до 1917 года в России сохранялись значительные различия в принципах и приемах управления российскими регионами, разграничение юрисдикции и компетенций между региональными властями и центральными правительством, равноправие в формальном статусе территорий и т. д., что обеспечивало устойчивость конгломерата народов, входящих в состав Российской империи.

Стремясь к достижению своей главной цели – интеграции предельно разнородного общества в единый организм, имперская власть опиралась на элиту этнических сообществ, которая без особого труда получала права российского дворянства и все преимущества с ними связанные. Местная элита рассматривалась властью как главный проводник интеграционных процессов в

полиэтнической империи. Благодаря такой политике вся политическая, культурная, интеллектуальная элита Российской империи носила многонациональный характер. Так, в 1858-1859 годах в 37 губерниях Российской империи проживало 274 тыс. потомственных дворян нерусского происхождения из 610 тыс. их общего числа [8, с. 233-234, 240]. Доля нерусских в общем составе всех чиновников империи составляла 30% в 1730 году и 16% – в 1850-ом. Также велика была доля нерусских среди членов Государственного совета, Государственной Думы, в аппарате имперской администрации, в офицерском корпусе российской армии и т. п. [6, т. 1, с. 32-33]. При этом основным требованием для достижения такого высокого статуса была не конфессиональная или этническая принадлежность, а лояльность имперской власти, знатное происхождение, профессионализм. Такая же кадровая политика была характерна для СССР, когда в союзных республиках на высшие государственные посты назначались преимущественно представители национальных сообществ. Названные принципы национальной политики российского государства обеспечивали относительную устойчивость Российской империи как в имперский, так и в советский периоды российской истории. Нарушение этих базовых принципов национальной политики стало причиной дестабилизации и последующего распада Российской империи в ее православном и советском вариантах.

По утверждению исследователей [14; 5], одной из главных причин распада традиционной империи является общемировая тенденция к секуляризации общественной жизни. «Приватизация» религии, превращение ее в личное дело каждого и возможность выбора своих религиозных убеждений лишают империю ее главного духовного стержня, подрывают саму основу легитимации имперских универсалистских ориентаций и практик. Такая секуляризация сознания народов Российской империи, не только православных, но и других вероисповеданий, утрата внутреннего (при сохранении внешнего) благочестия, падение значимости религии в индивидуальной и общественной жизни фиксируется историками накануне революции 1917 года [6, т. 2, с. 326-331]. В интеллигентском сознании секуляризация находит свое выражение в падении доверия к институту церкви, возникновении феномена религиозного реформаторства в исламских культурах, феномена «нового религиозного движения» и движения «обновленцев» в православной культуре [7, с. 134-138]. В советский период решающим фактором распада стала дискредитация коммунистической идеи, которая обуславливала взлеты и достижения советской империи. Таким образом, именно ориентация на Идею становится главной причиной беспрецедентной уязвимости и неустойчивости Российской империи как накануне революции 1917 года, так и позднее – в конце советской эпохи [5, с. 59].

Другой причиной распада империи становится выравнивание уровня развития центра империи и ее периферии, которое часто осуществляется как ослабление центра и усиление периферии за счет перераспределения ресурсов империи в ее пользу: «по мере созревания колонии отпадают от метрополии, как

поспевшие фрукты спадают с дерева» [11, с. 266]. Активная модернизация Российской империи и всех входивших в ее состав национальных анклавов на рубеже XIX-XX веков, процессы индустриализации, урбанизации, формирование среднего класса и пр. создают социальную базу массовых национальных движений, выступающих за государственный суверенитет или социально-культурную автономию этнокультурных сообществ России. Это национальное «брожение» усиливается также негативными последствиями событий начала XX века: неудачами в Первой мировой войне, политическим кризисом, революциями, которые стали триггерами распада империи, хотя предпосылки его сложились достаточно давно, в том числе и в результате национальной политики самой власти по отношению к народам империи.

И наконец, важнейшей причиной краха таких традиционных империй, как Российская, является усиление националистских, фундаменталистских и шовинистических настроений и тенденций в государственной политике империи, стремление к форсированной унификации социокультурного пространства империи. Именно такая политика, по мнению Б. Н. Миронова, начинает доминировать в Российской империи с 60-х годов XIX века. Причиной резкой смены курса ученый считает, во-первых, разочарование имперской власти в возможности постепенной ассимиляции народов и желание укрепить государство за счет жесткой национальной политики после польских восстаний 30-х, 60-х годов XIX века. Во-вторых, это подъем национальных движений на периферии Российской империи, которые после реформ 1960-х годов вступили в стадию политической мобилизации, массовых национальных движений. В-третьих, это стремление власти к унификации управления, к созданию единой российской нации, преодолению разнородности российского общества, препятствующей эффективной модернизации России [6, т. 1, с. 36-45]. Определенное влияние на изменение курса национальной политики Российского государства оказал и пример стран Западной Европы, где модернизация в конце XIX века уже вступила в свою завершающую стадию. Некритическое восприятие моноэтнической и симметричной модели управления с единообразной структурой вступило в противоречие с реальным состоянием российского общества того периода.

Как было сказано выше, русскому народу были совершенно чужды идеи национального превосходства или исключительности своего народа. Идеология Российской империи носила религиозный, а не национальный характер. Однако во второй половине XIX века эта идеология лишается своего религиозного содержания и выливается в государственный национализм, который реализуется как жесткими методами насильственной христианизации и русификации нерусских народов империи, закрытия национальных школ, запрета на сценические постановки, на издание журналов, газет, книг на родных языках народов России, ограничения доступа «инородцев» в университеты и гимназии [11, с. 269; 6, т. 1, с. 37], так и «мягкими технологиями», например, распространением у народов империи в 60-70-ые годы XIX века педагогической системы Н. И. Ильминского, «национальной по форме» и «православной по

содержанию» [7, с. 133-134]. Причем такие меры предпринимаются не только по отношению к неправославным народам империи, но и по отношению к белорусам, украинцам, молдаванам и т. п. Такая жесткая политика русификации встречает вполне ожидаемое сопротивление этнических сообществ, протестные движения, которые существенно дестабилизируют и без того беспокойную ситуацию в Российской империи.

Насколько была неизбежной культурно-языковая ассимиляция народов империи? На этот вопрос, на наш взгляд, сложно дать однозначный ответ, поскольку в разные периоды российской империи этот вопрос решался по-разному. В то же время определенная ассимиляция многочисленных народов в составе империи является условием существования империи, задана ее природой и законами социального развития. Если империя не выполняет этой задачи, она становится еще более хрупкой и уязвимой. Как показывают современные исследования, для представителей нерусских народов России, называющих своим родным языком русский, характерно доминирование общегражданской идентичности над этнической и региональной, т. е. осознание себя прежде всего россиянами, а затем уже представителями своих народов [9]. А значит, знание русского языка является сегодня важнейшим средством формирования общегражданской идентичности, что особенно актуально для России, где процесс формирования единой гражданской нации не был завершен в силу изначальной полиэтничности российского общества. Однако этот процесс имеет и обратную негативную сторону – утрату национальных языков, являющихся главным средством консервации этнической традиции и сохранения культуры [11, с. 185-187].

Поэтому главной проблемой империи является проблема сохранения оптимального *баланса между принципом разнообразия и принципом единства* в социокультурном пространстве империи. Но этот баланс должен быть обеспечен не за счет форсирования становления единого национального государства в соответствии с моделью «плавильного котла», а за счет постепенной адаптации этнических сообществ к существованию в поликультурной империи, за счет использования гибридных, гибких форм государственного управления.

Советский Союз стал последней империей в мировой истории. Однако тема империи, имперского сознания, синдрома «имперскости» и т. п. сегодня продолжает находиться в эпицентре научного дискурса. Процессы глобализации, увеличения миграционных потоков в мировом масштабе, усиления культурной гетерогенности некогда единых и гомогенных западных обществ создают то там, то здесь «имперскую ситуацию» – сложную, хаотичную, конфликтогенную среду. Растущая «гетерогенность социальной ткани» [12, с. 229] ставит на повестку дня современных западных обществ проблему инкорпорации иммигрантов в западную культуру, проблему совмещения различных ценностных систем: индивидуализма и коллективизма, личной свободы и этатизма, стремления к ассимиляции этнических меньшинств и стремления к самовыражению в качестве представителей этих этнических сообществ [3]. Реакцией западных государств на данные процессы стала политика

мультикультурализма, которая подвергается острой критике ученых самих западных обществ, поскольку такая политика культивирует особость и различия культур, отстаивает необходимость развития правового плюрализма, сосуществования в государстве различных систем юрисдикции, ориентированных на различные культурные традиции; вариативности институционального устройства в поликультурных обществах и т. п. [1].

Таким образом, сегодня западные общества оказались в ситуации, весьма сходной с той, которая существовала в России на протяжении нескольких веков. В этой ситуации сложного и болезненного этапа «испытания культурой», который переживает сегодня Запад, многовековой опыт решения проблем аккультурации инокультурного населения в Российской империи может быть полезен для современных западных обществ.

Список литературы

1. Бенхабиб, С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Сейла Бенхабиб. – М.: Логос, 2003. – 350 с.
2. Ерасов, Б. С. Цивилизации: Универсалии и самобытность / Б. С. Ерасов. – М.: Наука, 2002. – 523 с.
3. Иноземцев, В. Л. Иммиграция: новая проблема нового столетия / В. Л. Иноземцев // Социологические исследования. – 2003. – № 6. – С. 25-35.
4. Кантор, В. Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ) / В. Кантор. – М.: Росспэн, 2001. – 704 с.
5. Кожин, В. В. История Руси и русского слова. Опыт беспристрастного исследования / В. В. Кожин. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
6. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX века): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2-х т. / Б. Н. Миронов. – СПб.: Дмитрий Буланов, 2000. – Т. 1 – 548 с.; т. 2 – 566 с.
7. Мухамеджанова, Н. М. Особенности самоорганизации этнических культур России в условиях модернизационных преобразований / Н. М. Мухамеджанова. – Оренбург: Изд-во ГОУ ОГУ, 2006. – 229 с.
8. Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. – М.: Независимая газета, 1993. – 421 с.
9. Сафин, Ф. Г. Роль русского языка в формировании общероссийской гражданской идентичности в полиэтническом регионе (на примере Башкортостана) / Ф. Г. Сафин, А. И. Халиулина // Социологические исследования. – 2015. – № 11. – С. 90-96.
10. Тойнби, А. Дж. Цивилизация перед судом истории / А. Дж. Тойнби, М.: Прогресс-Культура, 1996. – 480 с.
11. Цивилизации и культуры. Вып. 2. Россия и Восток: цивилизационные отношения: сб. ст. / гл. ред. Б. С. Ерасов. – М.: Институт востоковедения АН РФ, 1995. – 292 с.

12. Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идет? Беседа с редакторами журнала *Ab Imperio* Ильей Герасимовым и Мариной Могильнер // *Логос*. – 2007. – № 1 (58). – С. 218-238.

13. Щербина, А. Влияние интеграционных и модернизационных процессов на российскую империю (вторая половина XIX – начало XX столетия) / А. Щербина // *Логос*. – 2004. – № 5(44). – С. 201-215.

14. Яковенко, И. Г. От империи к национальному государству (Попытка концептуализации процесса) / И. Г. Яковенко // *Политические исследования*. – 1996. – № 6. – С. 117-128.

ТЕХНИЧЕСКОЕ И ЦИФРОВОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Писарчик Л.Ю., канд. филос. наук, доцент,

Недорезов В.Г., канд. филос. наук, доцент

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Гуманистические основы жизни в современном обществе подвергаются эрозии. Сложилась сложная ситуация: глобалистические устремления США и Западной Европы натолкнулись на противодействие России, так как это несет нашей стране большие угрозы. В ответ Запад пошел ва-банк, раскручивая беспрецедентную русофобию. По сути дела, речь идет о расчеловечивании. Расчеловечивание началось много раньше, оно происходит по разным основаниям и направлениям. Н.А. Бердяев в работе «Духовное состояние современного мира» отмечал огромное влияние техники на развитие общества и состояние человека. «Современный человек, – писал он, – верит в могущество техники, машины, иногда кажется, что это единственное, во что еще верит. Для его оптимизма в этом отношении есть, казалось бы, очень серьезные основания. Головокружительные успехи техники в нашу эпоху есть настоящее чудо греховного природного мира» [1, с. 488]. Человек в современном мире испытывает настоящее потрясение в связи с развитием техники. И, несмотря на иллюзию того, что будто бы человек владеет техникой, на самом деле она подчинила его себе. При этом европейское человечество оказалось совершенно неготовым к таким переменам, сознание европейцев не знает, как жить в мире, насыщенной техникой, машинами. В результате возник духовный кризис.

Техника, отмечает Н.А. Бердяев, по отношению к религии и культуре была до сих пор нейтральной. Но теперь все изменилось. «Вопрос о технике стал для нас духовным вопросом, вопросом о судьбе человека, о его отношении к Богу. Техника имеет безмерно более глубокое значение, чем обычно о ней думают. Она имеет космогоническое значение, она создает совершенно новую действительность» [там же, с. 489]. Техника вызвала из глубин природы огромные энергии, а также создала новую реальность, новую атмосферу – технологическую. Н.А. Бердяеву кажется, что даже воздух насыщен опасными составляющими. Он пишет: «Еще не выяснено, что принесет для человеческого организма та электрическая атмосфера, в которую он себя вверг. Техника дает в руки человека страшную, небывалую силу, силу, которой может быть истреблено человечество» [там же, с. 489]. «Универсальная рационализация, – пишет Н.А. Бердяев, – техническая организация, отвергающая таинственные основы жизни, порождает утерю старого смысла жизни, тоску, склонность к самоубийству» [там же, с. 491].

В то время, когда были написаны эти строки, такое пророчество нашего выдающегося философа могло показаться несколько странным, сегодня же оно

выглядит вполне реалистичным и актуальным. Можно только поражаться силе его философского предвидения сущности и последствий научно-технического прогресса. Н.А. Бердяев сделал прогноз относительно развития человечества, контуры которого сегодня проявились во всей своей опасности.

Современное человечество находится на другой, более высокой ступени технического развития, которая называется информационным обществом. Человечество вступило в четвертую промышленную революцию (цифровую или сетевую революцию). В этом обществе идет цифровизация производства и социальных процессов: создание глобальных проектов на базе искусственного интеллекта (AI), сервисов облачных вычислений и баз данных (cloud computing), умных устройств (smart everything), развитие социальных сетей и сервисов Интернета.

Цифровые технологии усовершенствовали множество процессов: цифровое телевидение, дистанционное образование, дистанционные медицинские консультации, получение полезной информации из Интернета, хранение информации, перевод денег по банковской карте, дистанционный доступ к архивам и различным базам данных и т.д. Но нельзя не видеть, что в цифровом обществе открываются не только новые возможности, но и возникает множество проблем. Так, В.П. Веряскина обращает внимание на то, что научно-технический процесс показывает свою амбивалентность. В процессе формирования 6-го технологического уклада различные глубинные технологические изменения ведут к трансформации человека. «К числу таких глубинных изменений относятся, например, имплантируемые технологии, подсоединенные к телу; цифровидение как новый интерфейс; носимый интернет – одежда, подключенная к интернету; цифровое присутствие в сети; смартфон, как суперкомпьютер в кармане, интернет вещей; искусственный интеллект; робототехника и 3D печать в производстве, здравоохранении и создании потребительских товаров и т.п. Но особо значимые глубинные изменения могут быть связаны с созданием спроектированного существа, его переломный момент: рождение первого человека, чей геном будет подвергнут специальным изменениям. Другое значимое изменение – нейротехнологии, его переломный момент связан с созданием первого человека с полностью искусственной имплантированной памятью в мозге, отрицательный эффект которого может быть связан с мозговой дискриминацией, стиранием границ между человеком и машиной, отсутствием частной жизни» [2, с. 267-268].

Системное воздействие новых технологий на общество и человека В.П. Веряскина называет «эффектом домино» [там же, с. 269]. Само название эффекта говорит о том, что последствия негативного воздействия технологий человек не всегда сможет контролировать. А с определенного момента, называемого «технологической сингулярностью», человечество может полностью утратить возможность какого-либо контроля за развитием общества. И сам человек уже не будет субъектом развития, а только объектом, если он вообще продолжит существовать. Речь идет о прогнозе развития человечества, который дал Вернор Виндж. Согласно его прогнозу, к 2045 году наступит момент, который он

называет Сингулярностью, что означает полное прекращение привычных форм развития и замещение их новыми незнакомыми формами развития, управлять которыми человек уже не сможет, так как управлять всем будет искусственный интеллект. Он пишет: «В ближайшие тридцать лет у нас появятся технические средства для создания сверхчеловеческого интеллекта. Вскоре после этого эра человека закончится» [3, с. 6].

Новые информационные технологии несут, как уже было сказано выше, много новых возможностей и удобств, но и большие опасности, которые уже проявили себя и оказали негативное воздействие на людей. В.В. Ильин обращает внимание на то, что NBIC-технологии уже меняют психику человека и его субъективные установки: у людей вместо нормальной способности к коммуникации вырабатывается коннекционизм (способность только устанавливать контакты в Интернете и посылать SMS), что он квалифицирует как «размытую субъективность»; возникновение дополненной реальности (Augmented Reality), то есть смешение реального мира и виртуального в сознании человека, когда виртуальный мир выступает как более привычный; краудсорсинг (сетевое мышление); внутренний мир человека организован технологически, он погружается в «клиповое виртуальное киберпространство»; формирует клиповое сознание («цифровой психоморфоз») зависимое от цифровой среды Интернета, «...востребующим доминирование правополушарного (ассоциативного) мышления с блокированием атрибутивных левополушарному мышлению аналитичности, критичности мировосприятия» [7, с. 169-170].

Более того, информационное общество ориентировано на вытеснение материальной культуры информационными технологиями и перенастраивает человека на адаптацию к виртуальной культуре. При этом, согласно В.В. Ильину, этот процесс сопровождается следующими негативными последствиями: «...сужением межличностного живого коммуникационного на фоне расширения виртуального мультимедийного пространства; психосоматическими расстройствами в экзистенциальных метаморфозах, вызванными фазовыми переходами «виртуальность – реальность» и vice versa; упрочением «короткой» памяти с компилятивной ментальностью, разрушением способности заниматься творчеством; атрофией эвристического потенциала мышления: подмена образования обучением, медиаоперациональностью, к чему относится привитие умений проходить тесты с утратой креативных способностей создавать произведения <...>; упразднение творчества, содержательной инновационности, оригинальности, самостоятельности, замещаемых натаскиванием, механическим тиражированием текстов, передачей сообщений, приобщением к готовым результатам, распознаванием информации; вытеснение знания сведениями, способности думать – способностью идентифицировать, расширение тезауруса – движением внутри него. Здесь «мысль» редуцируется к «сообщению», сознание – к имитации, генерация – к трансляции, продукция – к репродукции. Перед нами специфическое бегство от

мышления, выражаемое снижающими параллельными рядами нашего культурного времени» [там же, с. 170-171].

В информационном мире отношение «человек–мир» заменяется отношением «человек–машина» и «настоящая реальность–виртуальная реальность». И здесь приоритет отдается не человеку, а машине и виртуальной реальности. Формируется «гуманитарное безразличие», то есть отсутствие осмысления и переживания сообщений мобильного трафика, их фрагментарность и феноменологичность. Все это ведет к развитию инфантилизма и деиндивидуализации человека [там же, с. 171]. А это уже весьма серьезно и заставляет ставить вопросы о необходимости защиты человека. Но вопрос заключается в том, все ли захотят обрести такую защиту? Проблема заключается в том, что человек, сформированный и живущий в потребительском обществе, принимает все его ценности как должное. Других ценностей он не знает.

Об необходимости защиты человека пишет В.А. Кутырёв, который отмечает, что деконструктивизм, под которым он имеет в виду установки постструктурализма и постмодернизма на расчеловечивание человека, по сути дела «конструирует антиантропологию» [9, с. 82]. Казалось бы, какое отношение к нашим вопросам в этой статье имеет постмодернизм? Самое прямое. Дело в том, что постмодернистские тезисы и установки составляют основу трансгуманистических поисков в направлении трансформации человека в постчеловека.

Действительно, с появлением Интернета возникла новая реальность – виртуальная реальность (или дополненная реальность). Человек освоил новую информационную среду, которая предоставляет множество новых услуг – мобильную связь, интернет-покупки, электронную почту, игры, банковские услуги, социальные сети, получение образования и медицинских услуг по интернету и т.д. Все это в целом обеспечивает повышение индивидуализации потребления. А то, что даст анализ больших данных (Big Data) с использованием искусственного интеллекта, позволит всей науке выйти на новый уровень, а именно выстроить новые тенденции развития как естественных, так и гуманитарных наук. В общем-то мы имеем дело с новым состоянием человеческой цивилизации, в которой речь идет не просто о новых технологиях, а о кардинальном изменении образа жизни людей, культуры, человека, его сознания. С.В. Приданцев отмечает: «Проблема воздействия цифровизации на образ жизни, интеллект и духовность человека – одна из острейших глобальных проблем современности» [11, с. 187].

Уже было сказано выше, что мы живем в эпоху четвертой промышленной революции, когда особенно интенсивно развиваются биотехнологии, робототехника и цифровые технологии. Все это происходит по законам капитализма, который, как известно, прежде всего поддерживает и культивирует неравенство людей. В этих условиях возникает «цифровое неравенство». С.И. Дудник отмечает, что нередко в рассуждениях о будущем рисуют идиллическую картину, в которой все без исключения люди получают услуги, основанные на

цифровых технологиях. «В виде цифрового будущего перед нами разворачивается позитивный социальный сценарий: наша жизнь в цифровом будущем будет гораздо более богатой и насыщенной благодаря количественно возросшей возможности выбора; цифровые технологии предоставят нам знание о всех возможных вещах; социальные сети объединят все человечество, и мы сможем всегда находить единомышленников и друзей, разделяющих наши интересы; исчезнет различие между трудом и досугом, и наша жизнь обретет невиданную ранее полноту» [5, с. 18].

Однако, отмечает С.И. Дудник, при более внимательном взгляде на эти проблемы мы понимаем, что ситуация складывается не столь благополучная. Это связано с тем, что в процессе продвижения в цифровое будущее возникает и цифровое отчуждение [там же, с. 19]. Проявляется это в том, что человек окружил себя множеством электронных устройств, которые позволяют ему быть постоянно «на связи». Без этих устройств многие люди уже не мыслят свою жизнь, особенно молодежь. На наш взгляд, автор прав, это именно цифровое отчуждение.

Но наши оппоненты скажут, что люди не мыслят свою жизнь и без микроволновок, стиральных машин, телевизоров, транспорта, книг и т.д. Все это было когда-то изобретено и прочно вошло в нашу жизнь. И все-таки у нас есть право настаивать, что цифровое общество иное, так как предлагает человеку такие технологии, которые его привязывают к себе и существенно его изменяют. Происходят кардинальные изменения в самом человеке. Если все названные выше вещи не изменяют человеческую сущность, то гаджеты и Интернет изменяют.

Цифровой капитализм не только эксплуатирует работников, как это было и в предыдущих формах капитализма, но и отчуждает их от реальности в пользу виртуальной реальности, от природы (нарушается отношение человек – природа), от общества (его заменяют социальные сети), от человека (другой человек чаще фигурирует как участник «групп», «чатов»). Формируется другое существо, с другими отношениями к миру и обществу, к людям, с другой культурой и сознанием, другим языком. Культуру, в общем-то, заменяет Интернет и общение в нем. Это иллюстрирует японский автор, характеризующий ситуацию в Японии, где «...с 1990-х годов возникла проблема *хикikomори*, иными словами, психосоциального феномена самоизоляции подростков и молодежи, уставших от социальных контактов. В отличие от инвалидов, у тех, кто отказывается от социальной жизни, по-видимому, нет никаких особых проблем. Общество смотрит на них холодным взглядом, говоря: “Кто не работает, тот не ест”, и также считает их “дефектными изделиями”, ведущими “недостойную жизнь”» [12, с. 344].

Но в современной ситуации эти люди уже не считают себя «дефектными изделиями», да и общество тоже так не думает. Этих людей много и, скорее всего, именно они определяют атмосферу в обществе. Всем известна мечта многих представителей молодежи работать именно за компьютером и в удаленном режиме. Еще лучше работать в Интернете и от рекламы получать

доходы. Ситуация осложнилась в связи с пандемией коронавируса, когда информационные технологии получили еще большее применение.

Есть и такой аспект проблемы цифрового общества и его влияния на человека, как *зависимость*, которая развивается от пользования гаджетами и Интернетом. Московские психологи провели психологический эксперимент, с участием детей и подростков от 12 до 18 лет [См.: 10, с. 67-70]. Всего было 68 добровольных участников эксперимента. Им нужно было, по условиям эксперимента, не пользоваться гаджетами (телефонами, ноутбуками, планшетами, компьютерами и телевизорами) всего 8 часов. Можно было сходить в магазин за продуктами, погулять с собакой, поспать, сделать уборку дома или почитать книгу. Несколько человек после одного-двух часов сразу выбыли из эксперимента. У тех, кто продолжил участие, начались проблемы: колики в животе, тошнота, депрессия, панические атаки и даже мысли о самоубийстве. До конца выдержали эксперимент только три человека, причем довольно благополучно. Результаты эксперимента говорят о том, что дети и подростки не мыслят своей жизни без гаджетов, социальных сетей и Интернета. Поэтому, когда в нашей стране в недавнем прошлом заблокировали в Интернете некоторые американские платформы (Instagram, Twitter, Facebook), часть представителей молодежи буквально рыдали от такой потери, так как не знали, как дальше жить.

Хорошо известно, что в современном мире происходит переход от письменной культуры к экранной, отсюда и «клиповое» сознание. Язык общения между людьми, и особенно в Интернете, сильно упрощенный и даже сниженный. Происходит замена привычных слов на компьютерные термины, а также на иностранные слова. Это знают все, и объясняют тем, что заимствование иностранных слов было всегда. Но сейчас это лавина, которая просто сносит русский язык. Программисты навязывают свой язык всему обществу [См.: 8].

Важным моментом в цифровом обществе является и то, что теперь стали возможны информационные войны. Информационная война ведется Западом против России давно, но в последнее время она получила наиболее интенсивное проявление. По сути дела, целью этой войны является уничтожение России. «Интернет уже в состоянии генерировать синтетическую необъективную реальность. Практически невозможно отличить правду от лжи, если поток информации идет из многих источников периодически или регулярно... В синтетической реальности станет важно не то, кто де-факто выступил агрессором, а что будет думать об этом целевая аудитория» [4, с. 77]. Фактически мы эту искаженную реальность теперь видим в западных СМИ относительно проводимой Россией специальной военной операции на Украине. То есть уже действуют совершенные технологии манипулирования данными и имеет место искажение картины действительности. С этой картиной знакомятся одновременно сотни миллионов людей на планете. Наша страна не может не отвечать на эти вызовы, но для этого необходимо развивать технологии и принимать контрмеры. Недостаточно развитые в технологическом отношении страны могут попасть не только в ситуацию «цифрового неравенства», но и в

ситуацию «цифрового колониализма». Всю страну, ее инфраструктуру, систему жизнеобеспечения (со всем ее цифровым и программным наполнением) можно рассматривать как систему, которую технологически развитые страны могут просто в нужный для них момент дезорганизовать, заблокировать при помощи тотальных кибер-атак.

Современный капитализм характеризуется не только как цифровой, но и как «надзорный капитализм» [См.: 6]. Этим названием Ш. Зубофф показывает, что в условиях современного общества широко используются данные, несущие информацию о людях (практически обо всех) а также об особенностях их поведения (поведенческом опыте). Это позволяет формировать прогнозы и программы управления людьми в самых разных областях их деятельности с целью получения разнообразной выгоды (экономической, политической, информационной) и формирования того будущего, которое выгодно. То есть речь идет о том, что власти наиболее продвинутых в технологическом отношении стран, а также крупные корпорации и ведущие американские интернет-платформы, уже сегодня имеют возможность управлять процессами в обществе в нужном им направлении.

Это новый рубеж развития капитализма. Промышленный капитализм осуществлял господство над природой. Надзорный капитализм начинает эпоху господства над природой человека. Создаются рынки поведенческих паттернов (договоров о купле-продаже), где «...продаются предсказания нашего поведения и где производство товаров и услуг в развитых капиталистических странах подчинено новым средствам модификации поведения. Речь идет о целенаправленной трансформации человека, с заранее спрогнозированным стандартом поведения. Угрозу теперь представляет не тоталитарное государство, а повсеместно распространенная цифровая архитектура» [2, с. 273]. Задача надзорного капитализма, согласно Ш. Зубофф, не просто «...автоматизировать потоки информации о нас; теперь цель состоит в том, чтобы автоматизировать нас» [Цит. по: 2, с. 274]. При этом власть становится инструментальной, так как она владеет цифровыми инструментами воздействия на поведение людей. Точно также ее можно назвать цифровой. Таким путем формируется цифровое будущее человечества.

Хотелось бы чтобы человечество, не отменяя научно-технического прогресса, нашло противоядие против этого.

Список литературы

1. Бердяев, Н.А. Духовное состояние современного мира / Н.А. Бердяев // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х т. Т. 1. – М.: Издательство «Искусство», 1994. С. 485-499.
2. Веряскина, В.П. Технологии и образ будущего: системные изменения социальной реальности и человека / В.П. Веряскина // Время решающих перемен: «звездный час» науки?». – М.: Издательство «КАНОН-ПЛЮС», 2023. С. 266-285.

3. Виндж, В. Грядущая технологическая сингулярность (Как выжить в постчеловеческую эпоху) // Виндж В. Сингулярность. – М.: Издательство «АСТ», 2019. С. 6.
4. Вызов 2035 / Агамерзян И.Р. и др. / сост. В.В. Буров. – М.: Издательство «Олимп-Бизнес», 2016. 204 с.
5. Дудник, С.И. Отчуждение в цифровом обществе / С.И. Дудник // Вопросы философии. – 2020. – № 3. С. 17-20.
6. Зубофф, Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на рубежах новой власти / Ш. Зубофф. – М.: Издательство института Гайдара, 2022. 784 с.
7. Ильин, В.В. Цивилизационные пути Номо Technologicus: деликатность экзистенциальных ситуаций / В.В. Ильин // Российский гуманитарный журнал. – 2019. – Том 8. – № 3. С. 165-183.
8. Интернет-сленг: гид по основным терминам. – Режим доступа: <https://nathoncharova.livejournal.com/14032302.html> (дата обращения: 03.01.2023)
9. Кутырёв, В.А. Человеческое и иное: борьба миров / В.А. Кутырёв. – СПб.: Алетейя, 2009. – 264 с.
10. Майленова, Ф.Г. Будущее наступает сегодня / Ф.Г. Майленова // Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: Материалы Первой Всероссийской конференции, Белгород, 11-12 апреля 2013 г. / под ред. Д.И. Дубровского, С.М. Климовой. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. С. 67-70.
11. Приданцев, С.В. Новый цифровой мир: как технологии меняют жизнь людей // Время решающих перемен: «звездный час» науки?». – М.: Издательство «КАНОН-ПЛЮС», 2023. С. 186-196.
12. Фудзии, Ё. Сущность человека как «совокупность всех общественных отношений» в будущем / Ё. Фудзии // Человек в глобальном мире: Риски и перспективы / под ред. Г.Л. Белкиной. – М.: Издательство «КАНОН-ПЛЮС», 2021. С. 341-349.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Орлова Е.В., канд. филос. наук

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Современная ситуация в области осмысления пространства-времени и включение данной проблематики в философский и культурологический дискурс, диктует необходимость поиска новых подходов в рамках рефлексии множественности форм социально-культурной деятельности, затрагивая самые ее малые конфигурации. Так, с точки зрения пространственного подхода, культура может быть истолкована как деятельность организации пространства, где каждый частный элемент занимает строго свое место. Так, великий русский философ П. Флоренский, выделяет три главных (с его точки зрения) пространственных измерения культуры. «В одном случае это пространство жизненных отношений, соответствующая деятельность называется техникой. В другом случае это пространство являет собой мысленную модель действительности, а действительность его организации называется наукой и философией. Третий, пространственный случай, лежит между первыми двумя. Пространство его наглядно, как пространство техники, и не допускает жизненного вмешательства, как пространство науки и философии. Организация такого пространства называется искусством» [10]. Однако активные трансформации художественной деятельности, спровоцированные новыми, практически «безграничными» возможностями технологий информационного общества, требуют расширения границ осмысления, как самого искусства, так и всех элементов интегрированных в него.

Наделение художественной деятельности пространственными характеристиками позволяет расширить масштаб изучаемых явлений и существенно продвинуть анализ всех видов искусства как самостоятельных форм организации пространства. Данный подход интересен, прежде всего, тем, что дает возможность многие традиционные виды искусства анализировать вне рамок художественного пространства, а наравне с ним, как самодостаточную форму культурной деятельности.

Одной из сфер художественной деятельности наиболее существенно подвергшейся трансформации в современном информационном обществе является театральное искусство. Театр, представляет собой один из самых традиционных видов культуры, ведь именно в нем сконцентрирована одна из ключевых характеристик творческой сущности культуры – это ее игровая природа. Состояние «культурной игры» суть которой сводится к творческому постижению природы бытия, как никогда актуально для современного состояния общества, в котором смыслы человеческого существования сводятся не к

подлинному бытию, а разыгрыванию определенных, заданных разного рода стандартами ролей. В данной ситуации театр, воспринимается как форма постижения современной действительности, что обеспечивает выход театрализации как способа существования современного общества за рамки искусства. А значит художественное и театральное пространства сегодня могут трактоваться и восприниматься как равноправные и самостоятельные элементы культуры. Уже само появление понятия «театральное пространство» выводит театр как явление за рамки художественной действительности в силу особенностей пространственного распространения театра. На фоне всего вышесказанного, традиция вписывать все виды искусства в рамки художественного пространства и рассматривать их только с точки зрения различных эстетических теорий теряет свою актуальность.

Так, «художественное пространство является художественно отраженным и преобразованным пространством действительности, имеющим эстетический смысл и содержание» [9, с. 170]. Основой пространства художественного произведения является художественный образ, который представляет собой вектор зрения и оценку художником, творцом какого-либо события, сконструированного при помощи художественных средств. Значит материальная составляющая произведения искусства (краски, формы, слова, звуки и т.д.) является вторичной по отношению к идее, смыслу, образу. Художественное пространство виртуально, оно существует в воображении художника, зрителя, читателя. Благодаря своей фантазийной природе, оно не имеет реальных ограничений. Так оно может расширяться и вмещать созданные в воображении художника миры и страны (например, миры в произведениях в стиле фэнтези), а может сжиматься до единственного фрагмента реальности. «Благодаря воображению, в сознании художника возникают образы, которые закрепляются и создают художественную реальность» [3, с. 155].

В театральном пространстве, также как и художественном, преобладает высокая концентрация символических образов. Все, что находится «по ту сторону рампы», наполняется смыслом по отношению к непосредственно-предметной функции вещи. Здесь все становится образом, знаком, символом. Каждый предмет на сцене – деталь, несущая значение, жест – символ. Именно так театральная постановка становится видом искусства, и только в данном понимании пространство театра сводится к сценическому действию. Но в свете современных культурфилософских исследований, такая трактовка театральной деятельности существенно сужает круг явлений и включенных в данное пространство феноменов. Так, за рамками изучения театра остаются понятия театральность, артизация, становится невозможным распространение театральной специфики в область экономики, политики, религии и т.д. Но так как исключение подобной тематики из современной культурологии и философии уже невозможно, требуется сведение вместе этих, казалось бы, взаимоисключающих форм существования театра. В этом случае, «театральное пространство можно определить как конкретно воспринимаемое и осознаваемое пространство, в котором концентрируется и реализуется театральное искусство,

как художественное освоение мира посредством драматического действия, так и деятельность структур, относящихся к театру опосредованно, но существенно влияющих на специфику его локализации» [6]. Таким образом, рассматриваемые как отдельные формы культуры театральное и художественное пространства обретают как общие черты, так и существенные различия.

М.С. Каган в статье «Морфология искусства. Историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусств» определяет несколько аспектов организации художественного процесса [5]. Как представляется, именно данная систематизация поможет отразить специфику разведения заявленных в статье понятий, поэтому в дальнейшем логика исследования будет строиться на представленной в работе М.С. Кагана системе внутреннего строения художественной деятельности.

1. Онтологический аспект

«Произведение искусства, будучи материализацией духовного содержания, попадает в пространственно-временной континуум, в котором существует все материальное» [5].

Художественное пространство, имея образную природу и наполненное главным образом идеями и идеалами, не может обойтись без материальных носителей, от которых зависит форма и специфика выражения образного содержания. Художественный образ опредмечивается в материале произведения, что и обосновывает необходимость определять различие видов искусства с точки зрения самого М.С.Кагана, «основное различие состоит в пространственно-статическом характере одних (камень, глина, дерево, металл, рисунок и цвет и т. д.), процессуально-внепространственном характере других (слово и невербальные звучания) и пространственно-временном, пластико-динамическом – третьих (тело человека и его экранные изображения)» [5, с. 264].

Третью категорию искусств и составляют искусства сценические, основным из которых всегда было искусство актера, а потом уже творчество драматурга, режиссера, сценографа, и т.д. Театр представляет собой самодостаточный, уникальный механизм, в котором сосуществует и действует множество явлений, некоторые из которых до сих пор не получили достойного обоснования.

Специфика существования актера во время представления сводится к тому, что в нем воедино сливаются идеальный образ и реальный человек, Причем сам человек на сцене выступает и как автор, и как произведение искусства. Именно игра актера, как живого, реального человека играющего «другого», образ и наделяет театральное искусство двойственной природой. Театр как явление существует одновременно и в области художественного пространства и в реальном мире.

Античные мыслители, определяли театральное искусство как сферу человеческой деятельности обладающей жизненной, социальной, политической значимостью. Причину популярности театрального творчества они видели в особенностях человеческого поведения. «Подражать присуще людям с детства: люди ведь тем и отличаются от остальных существ, что склоннее всех к

подражанию, и даже первые познания приобретают путем подражания, и результаты подражания всем доставляют удовольствие»[1, с. 249]. Значит, театральная игра позволяет человеку путем безнаказанного подражания осваивать и познавать суть окружающей действительности, что позволяет театральному пространству выйти за рамки идеально – образных моделей художественного пространства.

2. Гносеологический и художественно-гносеологический аспект.

В эстетических теориях искусство часто выступает как форма познания объективной реальности, но оно не осваивает мир в его материальной, физической предметности, а переосмысливает его в образах, символах и т.п. Отражение реальности в художественных образах помогает систематизировать все знание о мире. Именно на гносеологическом уровне нагляднее всего наблюдается расхождение театрального и художественного пространств. Так у М.С. Кагана художественное познание мира складывается из нижеследующих особенностей художественного пространства:

- «Художественное пространство свойственно не реальному миру, а образным моделям действительности, которые создаются в произведениях искусства»[5].

По мнению Г.Н. Померанца, «Искусство, слава Богу, очень разнообразно и образует очень сложную лестницу, на которой каждый находит ту ступеньку, на которой он может расправиться и почувствовать некоторое прикосновение Духа, в меру своей восприимчивости к Духу»[7, с. 17]. Художественное пространство наполнено идеальными, субъективными образами мира и человека, созданными фантазией художника по законам художественных направлений. К примеру, образные композиции полотен С. Дали создают уникальное художественное пространство далекое от реального мира.

Специфика театрального пространства не позволяет ему уходить в чистую образность. В продукте театрального творчества синтезировано все, начиная от реальной работы творческого коллектива театра (от которого и зависит создание вымышленного сценического пространства), заканчивая деятельностью сфер, необходимых при подготовке материальной составляющей спектакля. Здесь имеется в виду администрация театра, союзы театральных деятелей, цеха, работники сцены, театральные ВУЗы. Значит в театральном пространстве художественный образ главный, но не единственный формат театральной деятельности.

- «Будучи отраженным, художественное пространство приобретает относительную самостоятельность от реальных характеристик произведений искусства»[5].

Художественное произведение, конечно, зависит от физической, материальной оболочки, но само пространство художественного образа нематериально. Читая интересную книгу, человек погружается в вымышленную реальность, наполненную событиями, предметами, людьми и ему не важно качество материала книги, ее оформление. Эстетическое переживание произведения искусства, так же как и его создание, требует полной

концентрации человека, так как оно включает в себя и эстетическое напряжение, и высшие познавательные, этические ценности, и эмоциональное восприятие.

В театре творец (актер) является и человеком и художественным образом одновременно. В спектакле от внешних качеств актера, его эмоциональности, пластики, мимики, фактуры напрямую зависит результат. Зритель наблюдая представление одновременно воспринимает и персонажа пьесы, и самого актера. Восхищение актерской игрой может кардинально отличаться от оценки персонажа. Так в истории театрального искусства есть множество примеров, когда актер замечательно играл злодея, вызывая восхищение своей игрой и одновременно ненависть и омерзение к своему персонажу.

- *«Художественное пространство характеризует созданный в произведениях искусства мир образов и поэтому само имеет образный характер»* [5]. Как и любой феномен культуры, художественное пространство и функционирующая в нем образная реальность создается деятельностью человека. Мир искусства порождается художественной деятельностью, которая не знает разделения на материальную и духовную, так как творчество художника и материально и духовно одновременно.

В отличие от художественного пространства, театральное пространство наполняется не только творческой деятельностью. К примеру, в современной специализированной литературе определения понятия «театр» варьируются от собственно здания театра, театрального искусства до достаточно отдаленных от лицейной, творческой практики сфер человеческой деятельности. Так, театром называют и вполне реальные явления, предполагающие наличие некоего зрителя или наблюдателя. Здесь играет роль восприятие театра как зрелищного вида искусства. Театральное искусство имеет образный характер, но театральное пространство как феномен культуры вбирает в себя более широкий спектр явлений культуры, в том числе и художественное пространство. Итак, театр существует не только на уровне художественно-образного восприятия.

3. Психологический аспект

В нем разворачивается процесс художественного восприятия произведения искусства зрителем, слушателем, читателем. Художественное пространство формируется создателем произведения искусства и тем, кто его воспринимает. В художественном пространстве обязательный диалог с художником дает возможность реципиенту проникнуть в тайны чужого мировоззрения. Художник же в диалоге со зрителем имеет возможность выразить свое понимание общезначимых идей-образов, всечеловеческих символов, манифестируя тем самым смысл всего исторического развития. Эдип, Ромео и Джульета, Чичиков и др. – уже не просто художественные образы, это символы культурно-значимых человеческих ценностей. Искусство вбирает в себя все достижения человечества, по-своему трансформируя и изменяя их. «Без использования традиционных, живущих веками культурных символов невозможно включиться в линию преемственности культур, невозможно ощутить историю как единый процесс,

имеющий определенное прошлое и только потому определенное настоящее и, главное, будущее» [6].

Специфика психологического восприятия в театре делит пространство на два отдельных пласта. С одной стороны, в театре зритель, оставаясь в одной точке пространства зрительного зала, способен совместно с персонажем пьесы, передвигаться в условном художественном пространстве, проживать вместе с героем его жизнь. Процесс восприятия сопровождается не только внешним наблюдением, но и психологической коммуникацией. На момент спектакля человек престаёт воспринимать самого себя, полностью растворяясь в вымышленном пространстве.

С другой стороны, в момент театрального представления зритель кроме пассивного наблюдателя становится еще и самостоятельным действующим лицом. На сцене актеры ведут диалог в двух направлениях: с партнером и с каждым человеком в зале, поэтому театр и имеет такое психологическое воздействие на зрителя. Каждый, сидящий в зале вовлекается в художественный процесс создания спектакля. Непосредственные реакции, смех, гробовая тишина способны не только смесить акценты в пьесе, но и перевернуть идею спектакля «с ног на голову». И это уже не диалог, а конструктивное сотрудничество, благодаря которому театр на протяжении всей своей истории оказывается в центре происходящих в обществе, в мире событий, ведущих интересов и выступает выразителем мыслей, атмосферы мировой общественности, прогрессивных идей, представленных в художественном варианте, но не теряющих своей значимости. Здесь просматривается связь театра с социальной, общественной сферой, с жизненным пространством, так как это та область культуры, «где одни люди демонстрируют перед другими свои решения больших и малых жизненных проблем»[4, с. 6].

Итак, проведенный анализ выявил, что художественное пространство оказывается феноменом идеального порядка, так как оно свойственно не реальному миру и не самим произведениям искусства как элементам реальности, а тем образным моделям, которые создаются в произведении искусства, таким образом, художественное пространство само приобретает образный характер. Развитие театра как явления привело к тому, что его значение переросло чистый творческий процесс. Образность театрального пространства является основным, но не единственным вариантом его распространения. Сегодня понятие «театр» включает сферы далекие от художественной деятельности, хотя и не исключаящие ее. Многообразие определений театра свидетельствуют о многовариантности театральной специфики.

Список литературы

1. Аристотель, Поэтика. Риторика / Аристотель, – СПб.: Азбука, 2000. – 348 с. Режим доступа:

https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1673771178&tld=ru&lang=ru&name=aristotel_poetika_ritorika.pdf&text=%D0%90%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%2C%20%D0%9F%D0%BE%D1%8D%D1%8

[2%D0%B8%D0%BA%D0%B0.%20%D0%A0%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0&url=http%3A%2F%2Fmaster-slova.narod.ru%2Fbook%2Faristotel_poetika_ritorika.pdf&lr=48&mime=pdf&l10n=ru&sign=a321f6a6d3c60ce52626f7897cb6192a&keyno=0&serpParams=tm%3D1673771178%26tld%3Dru%26lang%3Dru%26name%3Daristotel_poetika_ritorika.pdf%26text%3D%25D0%2590%25D1%2580%25D0%25B8%25D1%2581%25D1%2582%25D0%25BE%25D1%2582%25D0%25B5%25D0%25BB%25D1%258C%252C%2B%25D0%259F%25D0%25BE%25D1%258D%25D1%2582%25D0%25B8%25D0%25BA%25D0%25B0.%2B%25D0%25A0%25D0%25B8%25D1%2582%25D0%25BE%25D1%2580%25D0%25B8%25D0%25BA%25D0%25B0%26url%3Dhttp%253A%2F%2Fmaster-slova.narod.ru%2Fbook%2Faristotel_poetika_ritorika.pdf%26lr%3D48%26mime%3Dpdf%26l10n%3Dru%26sign%3Da321f6a6d3c60ce52626f7897cb6192a%26keyno%3D0](http://slova.narod.ru/Fbook/Faristotel_poetika_ritorika.pdf)
(дата обращения: 14.01.2023).

2. Арто, А. Манифесты. Драматургия. Лекции. Философия театра / А. Арто, – СПб.: М.: Симпозиум, 2000. – 442 с.

3. Боров Ю.Б. Эстетика / Ю.Б. Боров, – М.: Русь-Олимп: АСТ: Астрель, 2005. – 829[3] с. Режим доступа: http://www.independent-academy.net/science/library/borev_estetika/index.html (дата обращения: 14.01.2023).

4. Бояджиев, Г.Н. От Софокла до Брехта за сорок театральных вечеров / Н.Г. Бояджиев, – М.: ГИТИС, 1988. – 350 с. Режим доступа: <https://balaganchik.pro/wp-content/uploads/2013/06/%D0%91%D0%BE%D1%8F%D0%B4%D0%B6%D0%B8%D0%B5%D0%B2-%D0%93-%D0%9E%D1%82-%D0%A1%D0%BE%D1%84%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0-%D0%B4%D0%BE-%D0%91%D1%80%D0%B5%D1%85%D1%82%D0%B0-%D0%B7%D0%B0-%D1%81%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BA-%D1%82%D0%B5%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D1%85-%D0%B2%D0%B5%D1%87%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B2.pdf> (дата обращения: 14.01.2023).

5. Каган, М.С. Морфология искусства. Историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусств / М.С. Каган, – Л.: Искусство, 1972. – 440 с.

6. Орлова, Е. В. Театральное пространство в структуре художественного пространства: системный анализ / Орлова Е. В. // Аналитика культурологии. – 2010. – №18. – С. 32-41. https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20154914_12058236.pdf

7. Померанц, Г.С. Собираение себя / Г.С. Померанц, – М.: ДОК, 1993. – 240[2]с.

8. Поспелов, Г. Н. Эстетическое и художественное / Г. Н. Поспелов. — М.: Высш. шк., 1998. — 405 с.

9. Райков, В.Н. Феномен театра в социально-философском дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2009. Т. 9. Вып. 4. – С. 111-118.

10. Флоренский, П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях / П.А. Флоренский, – М.: Прогресс, 1993. – 314 с.

**ИЗУЧЕНИЕ ВКЛАДА В ПОБЕДУ ВЫДАЮЩЕГОСЯ
ПОЛКОВОДЦА
М. Б. БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ**

**Томина Е. Ф., канд. пед. наук, доцент, Соловьев Е. А.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

*«Потомство отдаст мне справедливость. На мою долю выпала
неблагодарная часть кампании: на
долю Кутузова выпадает часть более приятная и более полезная для
его славы».*

М. Б. Барклай-де-Толли

В современном высшем гуманитарном образовании в преподавании истории Отечественной войны 1812 года уделяется очень мало времени для изучения вклада в победу российского полководца Михаила Богдановича Барклай-де-Толли. Исторически сложилось так, что основное время отводится для изучения стратегии М. И. Кутузова, а Михаил Богданович упоминается как военный полководец, который командовал армиями до Михаила Илларионовича. Нам кажется это неправильным, ведь не будь М. Б. Барклай-де-Толли, не было и знаменитой победы русских войск над французской армией.

Кроме того, в современных условиях российское общество подвержено информационной войне со стороны Западных стран. Российская Федерация вынуждена участвовать в этой войне, т.к. ее образ во всем мире каждый день очерняют западные пропагандисты и пропагандисты Киевского режима. Нам кажется, что одно из средств борьбы – это обращение к нашему славному прошлому. Сейчас как никогда российскому обществу нужно помнить о героическом прошлом нашей страны. Двухсотлетие Отечественной войны служит хорошим поводом для этого. Одним из многочисленных и не заслуженно забытых героев той войны является Михаил Богданович Барклай-де-Толли.

Дата рождения полководца до сих пор точно не определена. По этому вопросу существуют разные гипотезы. В сборнике «Галерея гравированных портретов генералов, офицеров, и проч. которые мужеством своим, воинскими дарованиями, или любовью к Отечеству споспешествовали успехам российского оружия в течении войны начавшейся 1812 года» указывается, что Барклай-де-Толли родился в 1755 году [3, с. 33]. Большую работу по дате рождения Барклай-де-Толли провел советский и российский историк В. М. Безотосный, который, проанализировав большой пласт источников, вывел еще одну дату – 1759 г. [1, с. 38]. На данный момент утвердилось мнение о том, что год рождения полководца – 1761. Местом рождения Барклай-де-Толли принято считать поселок Памушис, который на данный момент находится в Литве.

История рода Михаила Богдановича достаточно интересна. Семья М. Б. Барклай-де-Толли имеет шотландско-немецкое происхождение. Отец известного полководца служил в российской армии, после чего получил звание дворянина. Именно он отправил Михаила Богдановича в Петербург на воспитание к своему свояку, который на тот момент был полковником Новотроицкого кирасирского полка. Именно так юный Михаил оказался в России. Свою службу он начал в 1776 году в Псковском карабинерском полку.

Во время русско-шведской войны 1808 – 1809 годов действия Барклай-де-Толли привели к тому, что он получил звание генерала от инфантерии. Благодаря своему военному гению, летом 1808 года русские войска заняли финский город Куопио, а также в течение лета смогли отбить две атаки шведской армии. В марте 1809 года Васский корпус, которым на тот момент командовал Барклай, совершил переход по льду через пролив Кваркен, что фактически заставило шведскую сторону сесть за стол переговоров. Уже буквально 1 апреля 1809 года Барклай-де-Толли получил звание генерала от инфантерии. По сути, именно военные действия Барклай-де-Толли позволили России получить в свое владение Финляндию и Аландские острова.

Такое положение дел не устраивало большое количество генералов, которые также претендовали на этот пост. Именно поэтому большинство главнокомандующих, которые во время Отечественной войны воевали вместе с Барклаем, будут предвзято относиться к решениям генерала, отчасти руководствуясь личной неприязнью.

Кроме нового военного звания, российский полководец получил от Александра I административный пост – генерал-губернатор Финляндии. И там смог отличиться российский генерал, за что его 1 февраля 1810 года император назначил управлять военным министерством Российской империи. В течение двух лет Барклай-де-Толли провел реорганизацию русского войска. Она заключалась в том, что генерал придал четкую штатную структуру войскам, написав новые уставы по ведению боя. Он устроил базы снабжения, а также увеличил численность вооруженных сил. В этом случае, мы также можем отметить вклад российского генерала в будущую победу. На посту военного министра Барклай-де-Толли смог организовать российскую армию и тыл, что позволило дать достойный отпор «Великой армии» Наполеона.

Кроме двух официальных статусов – командующий 1-й Западной армией и Военный министр – к началу войны у Барклай-де-Толли имелся и неофициальный. Советский историк А. Г. Тартаковский писал в своем труде «Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 г.», что «...в ходе войны и многом позднее стойко держалось убеждение в то, что в 1812 г. он [М. Б. Барклай-де-Толли] стоял во главе русских армий» [7, с. 50].

Тем не менее, имея такой авторитетный негласный статус, деятельность российского генерала постоянно критиковалась современниками. Нужно отметить, что действия командующего 1-й Западной армией критиковалась не с самого начала войны, однако недовольство простых солдат и офицерского корпуса постепенно возрастало с продолжавшимся отступлением русских войск.

Связано это было со многими причинами. Во-первых, не считая личную неприязнь многих командующих российской армии, со времен Северной войны Россия не воевала на своей территории. Во-вторых, войны екатерининской эпохи велись на окраинах империи, заканчиваясь победами и присоединением новых территорий. В-третьих, высшие армейские чины желали отомстить Наполеону за проигрыш под Аустерлицем и за унижительный Тильзитский мир, к которому принудил Наполеон Александра I. Барклай-де-Толли, в свою очередь, не поддавался антифранцузским настроениям, трезво оценивая ситуацию. В надвигающейся войне против Франции он придерживался другой стратегии, за что и критиковался современниками.

Здесь Барклай-де-Толли снова проявил свои незаурядные качества, разработав нетипичную стратегию ведения боя. Его план заключался в уклонении от генерального сражения с французской армией, что означало отступление российских войск вглубь страны. Такой тактикой Барклай хотел добиться полного истощения французских войск и в подходящий момент дать главное сражение, в котором русская армия имела намного больше шансов одержать победу, нежели в генеральном сражении в прямом столкновении с французами около границ империи. Впервые этот план российский генерал озвучил немецкому историку Бертольду Нибуру в 1807 году. Их встреча состоялась в городе Мемеле, который в настоящий момент находится в Литве и носит название Клайпеда. В этом городе полководец находился на лечении в лазарете после битвы при Прейсиш-Эйлау, в ходе которой он был ранен разрывной пулей [5, с. 61].

Ту же самую идею Барклай озвучил Александру I. Уже в годы своей министерской работы он подготовил план «О защите западных пределов России», где предложил оказать первое сопротивление французам на оборонительных линиях Двины и Днепра. Однако Александр I отдал предпочтение плану генерала К. Л. Фуля, который предложил после занятия Дрисского укрепленного лагеря разделить 1-ю и 2-ю Западные армии в центральной части России.

В марте 1812 года Барклай-де-Толли назначили главнокомандующим 1-й Западной Армии. План, который предложил К. Л. Фуль, был принят и с началом вторжения наполеоновской армии, начал исполняться. К 1812 году численность пехоты «Великой армии» Наполеона составляла 492 тыс. человек [2, с. 254]. Сразу после нападения на западной границе Наполеон развернул 445 тыс. человек, против 210 тыс. человек, которых смогло перебросить русское командование на западные границы [5, с. 62]. Несмотря на численный перевес французов, Барклай-де-Толли обеспечивал отход русской армии к Дрисскому укрепленному лагерю и избегал генерального сражения, исполняя принятый план боевых действий.

26 июня 1812 года армия Барклая смогла достигнуть Дрисса, однако, 2-й Западной армии под командованием П. И. Багратиона не удалось дойти до укрепленного лагеря, поэтому на военном совете в присутствии императора было принято решение о дальнейшем отступлении 1-й Западной армии. Барклай-

де-Толли выступил с предложением не проводить активных действий до соединения двух армий.

Здесь стоит отступить от повествования основного военного сюжета и немного раскрыть взаимоотношения между двумя генералами – Барклаем-де-Толли и Багратионом. Ни для кого не будет секретом, что после начала отступления русской армии отношения между командующими были не самыми лучшими. Стоит упомянуть о том, что генерал Багратион был одним из тех, кто критиковал выбранную стратегию отступления. Еще до начала войны, весной 1812 года, П. И. Багратион отправил Александру I свой стратегический план, который заключался в упреждающем ударе по войскам Наполеона, которые на тот момент находились в Герцогстве Варшавском и Восточной Пруссии [4, с. 130 – 138]. В книге «Неразгаданный Барклай» историк Тартаковский приводит примеры писем Багратиона разным военачальникам, где тот обрушивается с яростной критикой на Барклая-де-Толли: «Министр сам бежит, а мне приказывает всю Россию защищать... Если бы он был здесь, ног бы своих не выдрал, а я выйду с честью и буду ходить в сюртуке, а служить под игом иноверцев-мошенников – никогда» (Ермолову, 3 июля)» [7, с. 65].

Стоит отметить, что до Отечественной войны 1812 года, генерал Багратион высоко оценивал военные действия Барклая-де-Толли. Судя по воспоминаниям русского писателя Ф. В. Булгарина, часть которых представлена в книге Тартаковского, Багратион «питал высокое уважение к Барклаю» [7, с. 65]. Эта оценка относилась к военной компании против Франции 1806 – 1807 гг., а также к русско-шведской войне 1808 – 1809 гг.

Тем не менее, возвращаясь к военному сюжету, стоит отметить, что историк Г. А. Куманёв в статье «Стоическое лицо Барклая есть одно из замечательнейших в нашей истории», пишет о том, что создателем партизанского движения является именно командующий 1-й Западной армии. Именно Барклай-де-Толли 21 июля отдал приказ о формировании армейского летучего партизанского отряда под командованием Ф. Ф. Винцингероде, который изначально действовал на территории Смоленской губернии, а после и по всей территории, оккупированной наполеоновскими войсками [5, с. 62].

После того, как 22 июля 1812 года 1-й и 2-й Западные армии удалось соединиться под Смоленском, русская армия смогла переломить ход битвы и нанести удар по армии Наполеона. Количество потерь французов превышало количество потерь русских войск. В таких условиях, можно было попробовать дать главное сражение, пока французская армия несла потери. Однако перевес русских войск был недостаточным для контрнаступления, в связи с чем Барклай-де-Толли решил не рисковать войсками.

Бои под Смоленском продолжались до августа, когда 10 числа Барклай-де-Толли решил сообщить Александру I о том, что он решил дальше уклоняться от генерального сражения, т.к. численность французских войск составляла 180 тыс. человек, когда русская армия имела всего 120 тыс. воинов. После этого, командующий 1-й Западной армией отдал приказ Багратиону отступать вместе с армией, пока его войска прикрывали тылы 2-й Западной армии.

Именно после этого решения, князь Багратион в своих личных письмах начал обвинять Барклай-де-Толли в государственной измене. Такое решение не устраивало не только главнокомандующего 2-й Западной армии, но и генеральский и офицерский корпуса, а также российское общество в целом. Из приведенных данных выше, можно предположить, что Барклай-де-Толли хотел сохранить армию, а не похоронить ее полностью под Смоленском в генеральном сражении.

Отступление российской армии продолжалось до Царёва Займища, деревни в Смоленской губернии. Стоит упомянуть, что Барклай-де-Толли хотел предпринять несколько попыток генерального сражения, однако неудобность позиций русских войск не могли позволить вступить в бой с армией Наполеона. Такое положение дел привело к тому, что русская армия была вынуждена оставить города Вязьму и Дорогобуж [6, с. 244].

Отступление российской армии из Смоленска, Дорогобужа и Вязьмы стало последней каплей для русского командования. 17 августа 1812 года Барклай-де-Толли получил извещение от императора о его отставки с поста командующего русскими армиями. За ним оставалось командование 1-й Западной армией, а общее командование переходило к Михаилу Илларионовичу Кутузову.

Именно такую «благодарность» получил командующий 1-й Западной армией за свою проделанную работу на фронте. Александр I не мог не учитывать общественное мнение, мнение генеральского и офицерского корпусов по поводу военных действий Барклая. Также свою лепту внес открытый конфликт между Багратионом и Барклаем, который, несомненно, влиял на боевой дух армии.

После получения письма от Александра, Барклай без какого-либо протеста передал общее командование Кутузову. Он отправил письмо императору, где сообщил, что «Время докажет мог ли я сделать что-нибудь лучше для спасения государства»; «...неприятель достиг бы Москвы, не встретя достаточных сил, которые могли бы сопротивляться» [6, с. 244 – 245]. Из этого отрывка мы можем предположить, что отступление Барклая было направлено на сохранение достаточного количества боеспособных сил, которые бы могли дать отпор наполеоновской армии.

Покинув пост главнокомандующего, Барклай участвовал в битве при Бородино, которая состоялась 26 августа 1812 года, где командовал правым и центральным крылом русской армии. Во время битвы, Наполеон сделал ставку на удар по левому флангу, которым командовал П. И. Багратион. Барклай, оценив ситуацию, послал ему на помощь 4 пехотных полка, 8 гренадерских батальонов и 4 полка кавалерии. Его действия можно расценить как целенаправленное самоубийство, т.к. Барклай, можно сказать, «стоял в самом убийственном огне» [6, с. 245]. Это подтверждается и из личных записей полководца, которые он оставил после сражения: «Не сбылось мое пламенное желание: Проведение пощадило жизнь, которая тяготит меня» [6, с. 245].

Запись в дневнике свидетельствует о том, что отставка с поста командующего русскими армиями сильно ударила Барклая по его самолюбию. Настолько сильно, что он предпочел бы славную смерть, позорной жизни.

После Бородинской битвы, 13 сентября 1812 года состоялся знаменитый совет в Филях, на котором был поставлен вопрос о сдаче наполеоновской армии Москвы. Мнения генералов разделилось: Л. Л. Беннигсен, Д. С. Дохтуров, Ф. П. Уваров, А. П. Ермолов выступили за новое генеральное сражение близ Москвы. Барклай-де-Толли, до конца придерживаясь своей военной стратегии, выступил с предложением дальнейшего отступления к Владимиру и Нижнему Новгороду. Его поддержали А. И. Остерман-Толстой, К. Ф. Толь и Н. Н. Раевский, но самое главное, что мнение Барклая совпало с мнением Кутузова, который отдал приказ о сдаче столицы и дальнейшем отступлении русских войск.

Тем не менее, после совета в Филях, Барклай-де-Толли чувствовал себя чужим в генеральской среде. Для такого умозаключения была причина. Она заключалась в том, что Кутузов без соглашения Барклая передал 30 тыс. солдат из его армии в арьергард Милорадовича, на фоне чего между Барклаем и Кутузовым произошел конфликт.

Он написал рапорт Александру I, в котором просил уволить его с поста Военного министра, а также с поста командующего 1-й Западной армии, ссылаясь на лихорадку. Его прошение было удовлетворено, после чего генерал покинул армию и направился в свое имение в Лифляндской губернии.

Именно так закончилась Отечественная война для М. Б. Барклая-де-Толли, в статусе опального генерала, военная стратегия которого не нашла отклика в среде российского общества, генеральского и офицерского корпусов и самого императора.

После его отъезда из армии, он пытался восстановить свое честное имя, написав письмо Кутузову, объясняя в нем замысел своих действий с 5 по 7 августа 1812 года. Кроме того, по дороге в свое имение, он вел переписку с Александром I, который в одном из своих писем написал следующее: «Мне только остаётся сохранить для Вас возможность доказать России и Европе, что Вы были достойны моего выбора, когда я Вас назначил главнокомандующим» [5, с. 66].

Так бесславно закончилась Отечественная война 1812 года для одного из самых выдающихся российских полководцев. М. Б. Барклай-де-Толли на долгие годы был забыт и находился в тени М. И. Кутузова. Наша работа направлена на частичную реабилитацию личности Барклая, показать, что его военная стратегия послужила фундаментом для победы России над армией Наполеона. Она заслуживает изучения в современном гуманитарном высшем образовании наравне с военными заслугами М. И. Кутузова.

Стоит ли нам осуждать Александра I за то, что принял решение об отставке Барклая? Вопрос остается открытым и дискуссионным. Тем не менее, мы не можем отметить следующее: генерал Барклай-де-Толли на посту военного министра провел ряд мер, которые позволили реорганизовать русскую армию, укрепить ее и тыл перед страшной войной с Наполеоном. Он дал старт партизанскому движению, которое с храбростью и героизмом боролось с французскими захватчиками на равных с русской армией. Ну и, конечно, стоит отметить его роль в сохранении боеспособной русской армии, которая

впоследствии дала отпор «великой» и «страшной» армии Наполеона, а после двинулась освобождать Европу от французской оккупации.

Список литературы

1. Безотосный, В. М. Опыт определения года рождения военнослужащих русской армии (по материалам о военной службе М. Б. Баркляя-де-Толли) / В. М. Безотосный, А. М. Горшман // Советские архивы. – №1. – 1989. – С. 37 - 44.

2. Бескровный, Л. Г. Отечественная война 1812 года / Л. Г. Бескровный. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 611 с.

3. Галерея гравированных портретов генералов, офицеров, и проч. которые мужеством своим, воинскими дарованиями, или любовью к Отечеству споспешествовали успехам российского оружия в течении войны начавшейся 1812 года. – Т. 2. – СПб., 1813. – 82 с.

4. Генерал Багратион: сборник документов и материалов / под ред. С. Н. Голубкова и полковника Ф. Е. Кузнецова. – М.: ОГИЗ: Государственное издательство политической литературы, 1945. – 278 с.

5. Куманёв, Г. А. «Стоическое лицо Баркляя есть одно из замечательнейших в нашей истории» / Г. А. Куманёв // Военно-исторический журнал. – №13. – 2013. – С. 61 - 67.

6. Полевой, Н. А. Русские полководцы, или Жизнь и подвиги российских полководцев от времен императора Петра Великого до царствования императора Николая I / Н. А. Полевой. – СПб.: В тип. Константина Жернакова, 1845. – 353 с.

7. Тартаковский, А. Г. Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 г. / А. Г. Тартаковский. – М.: Археографический центр, 1996. – 367 с.